

Алиса Лаврова

Алиса Лаврова

Дракон: Измена Истинной

«Литнет»

2023

Лаврова А.

Дракон: Измена Истинной / А. Лаврова — «Литнет», 2023

А как же наша любовь? Как же все эти годы? — перехожу на отчаянный крик не желая того, — неужели ты забыл, чем я пожертвовала ради тебя? — Любовь? — его красивые губы изгибаются в усмешке, а в глазах загорается темный властный огонь. — Ты говорил, что любишь меня, а сам... Как ты мог предать нас? Он обходит меня кругом и подходит ко мне сзади. Его сильные руки касаются моих плеч. Только не это.

© Лаврова А., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	36
Глава 14	39
Глава 15	41
Глава 16	43
Глава 17	46
Глава 18	49
Глава 19	51
Глава 20	53
Глава 21	55
Глава 22	57
Глава 23	59
Глава 24	61
Глава 25	63
Глава 26	66
Глава 27	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1

— Только не нужно закатывать истерик, не люблю этого, — в его низком голосе звучит страшная издевка. Золотые бессовестные глаза дракона смотрят на меня с усмешкой. Как же я могла так любить его? Не могу поверить, что это он клялся, что мы вечно будем вместе.

Он же называл меня единственной, я же его истинная...

Дракон только закатывает глаза, видя, что я вот вот заплачу.

— Разве не ты говорил, что мы навеки будем вместе? — сглатываю непрошенные слезы.

— Все меняется. Дракон только тогда связан обязательствами, когда совершил клятвенный обряд. До тех пор, прости, я могу делать, что пожелаю.

— А как же наша любовь? Как же все эти годы? — перехожу на отчаянный крик не желая того, — неужели ты забыл, чем я пожертвовала ради тебя?

— Любовь? — его красивые губы изгибаются в усмешке, а в глазах загорается темный властный огонь.

— Ты говорил, что любишь меня, а сам... Как ты мог предать нас?

Он обходит меня кругом и подходит ко мне сзади. Его сильные руки касаются моих плеч. Только не это.

— А ты могла бы простить меня? Ведь ты же леди, а леди не прощают измену. Так положено и так было всегда. Или нет?

Чувствую, как его горячее дыхание почти касаются моего уха.

Голова начинает кружиться от его близости. Его низкий томный голос будит во мне то, что дремало, и я чувствую, что еще немного и я растаю от его властных, но нежных прикосновений и забуду обо всем.

Нет!

Я не могу простить его. Он предатель, он недостойн. Он переспал с этой... Этой стервой Кристанной Линч...

Но как же я хочу, чтобы он продолжал делать то, что делает. Его рука скользит по моей спине, вдоль позвонков и кожа отдается невероятно приятными мурашками.

Ни за что, я не прощу его! За кого он меня держит?

Его руки скользят все ниже, пока не доходят до пояса. Я чувствую его сильные пальцы на своей талии и слышу его голос, который заставляет все мое тело затрепетать.

— А почему бы тебе не смириться? Ты знаешь, что дракон непостоянен, но ты так же знаешь что дракон умеет любить, как никто. К тому же, у нас есть сын. О нем ты подумала? Каково ему будет расти без родной матери?

Я оборачиваюсь, и вырываюсь из его хватки.

Он улыбается, он смеется мне в лицо.

Я размахиваюсь, чтобы ударить его по наглому лицу ладонью, но он с легкостью перехватывает мою руку и его улыбка только становится шире, и я слышу, как где-то в глубине его груди начинает рычать дракон, готовый вырваться из него языками уничтожающего пламени.

— Я больше никогда не буду твоей! — кричу я, — иди к ней, пусть она тебя утешит и загасит твоё пламя.

Я кричу, как раненная птица и не могу прекратить. Он пытается подойти и снова схватить меня, но я уворачиваюсь и бегу вон из его покоев.

В спину мне влетает его наглый смех. Магические языки пламени, что вызвал Гай, возникают передо мной, но я не боюсь, и пробегаю сквозь них, зная что они не причинят мне

вреда. Из глаз льются слезы, застилая обзор. Светильники развешанные по стенам пляшут и как будто тоже смеются надо мной.

— Вернись, истинная, — кричит он мне вслед, — тебе некуда идти.

сердце мое колотится. Я не вернусь, больше не вернусь. Никогда!

Но куда же мне идти?

Я вбегаю в комнату и вижу нашего маленького сынишку, что мирно спит в своей кровати.

Маленький дракон, наследник лорда Пауэрс. Я пытаюсь отдышаться, но сердце не унимается.

Малыш открывает глаза и смотрит на меня сонным взглядом. Я вижу в его глазах глаза лорда. И сердце мое обжигает болезненное сожаление. Почему же так больно?

Но мешкать нельзя.

— Мам, что случилось?

— Ничего, ничего, — говорю я как можно спокойнее, чтобы он не заметил моих слез, — Мы уходим, сынок, нам нужно идти. Просыпайся скорее.

Я достаю его из кровати и сонного, начинаю спешно одевать.

Он не понимает еще, что происходит, но послушно одевается и даже помогает мне застегнуть пуговицы на своем комзольчике своими маленькими пальчиками. Мой славный малыш.

Главное, чтобы Пауэрс не увидел, что я забираю с собой сына. Нет, Гарри я ему не оставляю.

Быстрее, нужно собираться быстрее, нельзя больше ни минуты оставаться здесь. Мы должны выйти из замка как можно тише и незаметнее.

Иду по гулким коридорам. Гарри идет медленно, не поспевая за мной, и начинает с тревогой спрашивать, что происходит. Слава богу слуги уже спят и никто нас не слышит и не замечает. Беру малыша на руки и пытаюсь успокоить.

— Гарри, милый, я тебе все объясню позже, сейчас нам правда нужно идти.

— Куда мы идем, где отец? — спрашивает малыш.

До двери, которая отделяет меня от свободы, остается всего несколько метров.

И тут я слышу самое страшное - в дальнем коридоре, ведущем в покои лорда, отчетливо слышится его твердая поступь.

Глава 2

— Куда это ты собралась, милая, — говорит он, вдруг оказавшись перед самым моим носом, преграждая мне путь к двери.

Его магия позволяет ему двигаться так быстро, что обычному человеческому глазу даже не заметить как он перемещается из одного места в другое.

Виден только огненный вихрь, пролетающий со скоростью молнии из одной точки в другую.

Лишь род драконов Пауэрс обладает такой способностью, помимо обычной трансформации в плоть огромного дракона дышащего огнем, они принимают облик дракона фантома, который может не только быстро двигаться, но и проходить сквозь стены.

— Отойди, я больше не могу здесь оставаться, — спокойно говорю я, хотя внутри меня все кипит от ярости и негодования

— И поэтому ты решила забрать моего наследника? — лорд п Пауэрс садится на корточки и треплет по голове своего сонного сынишку. Тот, с восторгом смотрит на отца. Малыш еще не владеет магией перехода и ему только предстоит стать драконом.

Лорд словно читает мои мысли.

— Если ты забереешь его, — говорит он поднимаясь, — то кто научит его менять форму? Или ты хочешь чтобы он остался простым смертным из плоти и крови и умер как все обычные люди.

Последнюю фразу он произносит с презрением.

— Я обычный человек, — говорю я, — и в этом нет ничего плохого. Может быть он не вырастет изменщиком, как ты.

Я чувствую, как во мне снова закипает негодование. И от этого становится все труднее сдерживаться и не перейти на крик.

Нет, такое поведение не подобает высокородной леди, как я.

Но сына я ему не оставлю.

— Может быть, лучше спросим у Гарри? — спрашивает Пауэрс, хищно улыбаясь своей дьявольски красивой улыбкой.

Несмотря на то, что я зла на него, в сердце западает крошечная искра сомнения.

Быть может лучше потерпеть, смириться, посмотреть, что будет дальше?

Нет, что за бред.

— Гарри, — говорю я сыну, — отец спрашивает, не хочешь ли ты остаться с ним, или быть может ты хочешь поехать со мной к дедушке.

— Если ты останешься, я буду показывать тебе, как летает дракон, — вкрадчиво говорит Гай.

Сын смотрит то на меня, то на Гая. Его растерянный взгляд в конце концов останавливается на отце.

— Мам, может мне не нужно никуда ехать? Ты съезди и возвращайся, а я хочу остаться с отцом... — говорит мальчик, с любовью и восторгом глядя на отца.

— Чего и следовало ожидать, — произносит Пауэрс, самодовольно улыбаясь, — может быть ты прислушаешься хотя бы к сыну?

Сердце мое холодеет. Неужели из за этой стервы я потеряю не только моего лорда, но еще и сына.

А что, если он приведет ее в дом?

Я не могу позволить, чтобы она даже приближалась к Гарри.

У меня в голове возникает ужасная фантазия о том, как мой Гарри называет ее мамой, и сердце мое падает от отчаяния.

Ну зачем, зачем Гай так поступил со мной? Неужели в нем нет и капли любви к своей истинной?

Смотрю на дверь, потом на сына.

— Теперь ты сомневаешься? — лорд подходит ко мне и гладит меня по волосам, как несмышленную девочку. От его прикосновений я начинаю таять, как восковая свеча. Мне хочется одновременно ударить его и прижаться к его мощной груди.

— Может все-таки мы сможем как-то ужиться? — говорит он, глядя мне в глаза, и я растворяюсь в его янтарных зрачках, будто бы наполненных огнем.

Ни капли моей любви к нему не убавилось после его измены, и это самое ужасное.

Уйти сейчас и потерять все, или стерпеть и остаться?

— Что ты предлагаешь. — говорю через силу. стараюсь. чтобы голос не дрожал.

— Ты будешь моей, как раньше.

— А она? — сердце сперва стучит, после — замирает в ожидании ответа. Перед лицом стает наглая усмешка Кристанны.

— Черт с ней, — говорит Пауэрс.

— Ты думаешь я смогу тебя простить? — спрашиваю я.

— Это уже тебе решать, милая, я советую прислушаться к сыну, — произносит он и уходит прочь. Я смотрю на его мощную спину, когда он удаляется по коридору. Сын стоит рядом со мной и заворуженно глядит на отца.

До этого все было намного проще. Я думала убежать. Но теперь.

Для сына будет лучше. Если он вырастет с отцом. Как бы ни спорила я, говоря, что вырасти простым смертным не хуже, я не могла врать самой себе. Быть высокородным лордом драконом, почти бессмертным — это куда лучше для любого. А какая судьба его ждет, если он останется всего лишь человеком? Еще неизвестно, как отреагирует отец на мое возвращение. Примет ли он меня после того, что я сделала?

Я смотрю на дверь, потом на сына, и на пустой коридор, куда скрылся лорд.

Выбор надо делать сейчас, или никогда.

Глава 3

Прежде чем скрыться за углом, лорд Пауэрс украдкой смотрит на женщину, подарившую ему сына.

Она красива, как горы солнечным зимним утром, когда летишь над ними, расправив крылья. Стоит ли она того, чтобы не видеться больше с Кристанной Линч?

Если измену она, в конце концов, возможно, каким-то чудом и простит ради сына, то связь с Линч терпеть не станет, она леди, и леди богатого рода, даром что человек.

Лорд садится на кресло и наливает себе выпить. Диким огнем обжигает его горло виски тысячелетней выдержки. Лучший напиток из погребов фамильного замка.

Она гордая и неумолимая, как северный ветер. Разве не за эту гордость и силу я ее полюбил? Разве не люблю я ее теперь?

Белая фарфоровая кожа аристократки, упругая налитая грудь, ее улыбка, когда она счастливо глядит на меня во время ночей любви, изнемогая от наслаждения.

Но Линч... Линч тоже хороша, черт бы ее побрал.

Нужно поговорить с ней. Она дракон, и черт знает как может отреагировать, если я скажу ей, что наша интрижка закончена. Она то уж точно не считает это интрижкой.

Да, с ней надо порвать немедленно. Если только Лилит останется в замке ради сына.

Лорд встает с кресла и начинает расхаживать по кабинету, внутренне готовясь к неприятному разговору с вспыльчивой драконессой Линч.

Черт с ним. Лучше решить все прямо сейчас.

Он разбегается и прыгает с высокого балкона в ночь, и принимает форму дракона перед самой землей. Обдавая траву внизу пламенем.

Старый садовник будет недоволен.

Несколько мощных взмахов крыльями, и Пауэрс уже летит под самыми облаками, обозревая простор под собой.

Огни города радуют глаз, ему хочется лететь и лететь куда-то далеко.

Нужно сосредоточиться. Вот и дом Линч, нужно приземлиться неслышно. Кажется, она уже спит.

Лорд складывает крылья над самым балконом и, меняя форму на лету, приземляется на балкон, сгруппировавшись в человеческой форме грациозно, как кошка.

Никогда бы не подумал, что буду делать такое ради человека. Ограничивать себя. Что за вздор?

Лорд Пауэрс по хозяйски входит в спальню к Кристанне. Та спит, и похоже, видит десятый сон. *Придется ее разбудить, делать нечего.*

— Кристанна, проснись, — говорит он тихо, продолжая стоять возле входа на балкон.

Огненноволосая красавица открывает глаза и улыбается, словно кошка, нашедшая мышку. Она так привлекательна, что лорду на нее страшно смотреть.

— Ты прилетел, мой милый, — говорит она и тянет руки. С ее груди соскальзывает одеяло. Лорд смотрит на обнаженную грудь Кристанны и чувствует, что внутри него начинает закипать драконья кровь.

Как же сдержаться? А главное -- ради чего?

Я пришел сюда порвать с ней, нужно усмирить зов плоти.

Он подходит к кровати и, нагибаясь, целует Кристанну в сочные губы.

Последний поцелуй. Она обхватывает руками его шею и пытается притянуть к себе. Ее губы жаркие и соблазнительные.

Нет.

Лорд выпрямляется. Руки Кристанны пытаются удержать его, но тщетно. Она смотрит удивленно, поглаживая свое тело, призывно глядя ему в глаза.

— Ты что же, не хочешь меня, мой дракон? — спрашивает она сладким голоском, который так волнует лорда Пауэрса.

Он накрывает ее одеялом. Та в изумлении глядит, а потом хватается за мощные руки, не понимая, что происходит с ее лордом.

Она еще не знает, что лорд уже все решил.

— Это последняя наша встреча, — шепчет он, гладя ее по волосам.

Кристанна так изумлена, что не может вымолвить ни слова.

— Но, но почему? — спрашивает она, и постепенно, растерянность на ее лице сменяется драконьей яростью, — она знает?

— Да, она все узнала, кто-то доложил ей новости, которые никто не должен был узнать. Возможно это дело рук ее отца, он всегда ненавидел меня.

Кристанна встает с постели. Она полностью обнажена и лорд отворачивается, старается глядеть в окно, а не на ее идеальную фигуру.

— Чем она лучше меня? — вдруг взрывается Кристанна, на мгновения, от злости, проявляется ее истинная форма драконессы и она покрывается переливающейся чешуей. Так она еще прекраснее.

— Она мать моего сына, — просто говорит лорд и выходит на балкон, — прощай, Кристанна.

Он прыгает с балкона и расправляет крылья.

До него доносится разъяренный крик Кристанны.

— Я это так не оставлю, слышишь? Я буду бороться.

Лорд делает круг, по дуге огибая замок Линчей и летит обратно. Он старается думать только о Лилит, но из головы не выходит волнующий образ обнаженной Кристанны, которая была так разрушительно привлекательна в своем драконьем гневе.

Лилит всего лишь человек. Была бы она драконом, все было бы куда проще.

Именно поэтому лорд так долго тянул и не запечатлел их союз даже после того, как их сын подрос.

Что же, если она решила остаться, нужно исправить этот недочет. И сыну нужно будет уделять больше времени.

Приземляясь на площадку возле дома, лорд Пауэрс видит, как Лилит вместе с сыном садится в Роскошный автомобиль с фамильным гербом своего отца.

Неужели она все же решила уйти и забрать с собой сына?

Ярость мгновенно закипает в груди Лорда и он, поднимая клубы пыли и плюясь огнем, устремляется вслед за бронированным автомобилем, набирающим ход.

Глава 4

— Мама, а куда пошел отец? — спрашивает Гарри, и я не знаю, что ему ответить.

Он сказал, что бросит ее. Мне очень хочется поверить, но я не дура, зная его темперамент и что он не привык отказываться от того, что считает для себя приятным и важным. Но ведь он обещал мне быть верным, когда уговаривал меня родить ему сына, разве не так?

Нужно было быть умнее, нужно было поставить вопрос ребром сразу - либо мы запечатляем союз вечными узами, либо я уйду. Но разве могла я тогда даже помыслить о таком предательстве?

Стоя в раздумьях перед дверью, я вижу как мой лорд падает вниз с балкона и перевоплощается в истинную форму.

Мерзавец. Неужели он полетел к ней? Чего тогда стоит его лживое слово?

Достаю телефон и решаюсь сделать то, о чем еще вчера и помыслить не могла бы даже в самом страшном кошмаре.

Волнуясь, дрожащими пальцами набираю номер, который все еще не забыла.

Долго никто не отвечает. И сердце мое колотится, как раненая птица. Что он скажет? Ответит ли?

Наконец, слышу хриловатый слабый голос моего пожилого отца.

— Да, Лилит, — он слегка удивлен, но старается не подавать вида, — слушаю тебя.

Я не звонила ему 6 долгих лет, с тех самых пор, как вопреки его воле ушла жить к лорду Пауэрсу, нанеся отцу тем самым неизгладимую обиду.

Сейчас мне пришлось признаться себе - нужно было слушаться отца и не верить лорду на слово. Он предупреждал меня, молодую, глупую, по уши влюбленную, что драконы изменчивы и пока союз не запечатлен, дракон может в любой момент найти кого-то еще.

Надо отдать отцу должное, он не стал мстить лорду, не стал портить нам жизнь, и просто смирился с моим уходом, вычеркнув меня из своей жизни, из завещания и запретив мне появляться в фамильном особняке.

— Отец, — говорю я дрожащим голосом. Глядя в окно, на удаляющийся силуэт дракона, который на всех парах летит на запад. Кажется, дворец этой твари Кристанны Линч находится именно там...

Сердце наполняется обидой пополам со злобой.

— Мне нужна твоя помощь. Ты был прав. Ты всегда был прав.

Стараюсь не плакать, но непрошенные слезы сами льются из глаз.

— Мама, не плач пожалуйста, — говорит Гарри, дергая меня за платье. Малыш не понимает что происходит. И незачем ему знать.

Вытираю слезы платком, дожидаясь, что скажет отец. Слышно только его тяжелое дыхание, и помехи на телефонной линии.

— Хорошо, я пришлю машину. Жди.

Он кладет трубку, больше не говоря ни слова.

Я открываю дверь и выхожу на улицу, держа за руку сына.

Я здесь не останусь. И этому мерзавцу я не оставлю сына. И плакать я не буду из-за него. И ноги мои не будут больше в этом проклятом темном замке.

Хожу взад-вперед по парковке. Кусты сирени, что были высажены вдоль дороги догорают, опаленные огненным дыханием дракона.

Зачем было поджигать ни в чем не повинные растения?

Безжалостный негодай.

— Мама, куда мы едем? — мальчик трет глаза, малышу уже давно пора видеть десятый сон.

— Подожди, милый, говорю я Гарри, сейчас приедет машина. и мы поедem к дедушке. Он будет очень рад тебя видеть. Ты ведь хочешь с ним познакомиться?

— Да, хочу, — говорит Гарри, — а папа к нам прилетит?

Не знаю, что ответить.

Нельзя оставлять сына без отца. Мне придется подумать об этом. Он не узаконен как его наследник, поэтому юридически, ни один суд не встанет на сторону лорда. Но и оставлять мальчика быть воспитанным женщинами и стариками я тоже не могу. Такого допускать нельзя. Он должен вырасти настоящим сильным мужчиной. И ему нужен наглядный мужской пример перед глазами.

После нескольких минут томительного ожидания, наконец, вижу. как во двор въезжает мощная бронированная машина с отцовским гербом.

Облегченно вздыхаю — не придется объясняться с лордом лишний раз.

Гарри сразу же ныряет в машину, не дожидаясь, когда дверцу откроет водитель отца.

— Леди, прошу вас, — говорит водитель, и поправляет мое длинное платье, чтобы оно не повредилось от двери, когда я сажусь в машину рядом с сыном.

Яркие фары включаются на полную мощность и мы наконец выезжаем за пределы замка лорда.

И тут я вижу взрыв огня впереди.

Дракон летит прямо над машиной, и пускает огромные струи пламени на асфальт впереди, ослепляя обзор водителю.

Водитель вынужден затормозить.

В свет фар попадает дракон, который стоит перед автомобилем, ощерив пасть.

— Это папа? — спрашивает малыш, — он поедет с нами?

— Нет, — говорю я, теряясь от страха и от возмущения.

Дракон ревет и топает ногами, явно готовясь помять отцовскую машину. Он совсем безумел? Ведь он же сам дал мне выбор.

Чего он хочет? Опять разговоры разговаривать?

Прошло время разговоров .

— Высовываюсь из окна и кричу.

— Уходи. Я сделала выбор и еду к отцу.

Тяжелая поступь дракона заставляет меня содрогнуться. Он не желает переходить в человеческую форму и подходит к моему окну.

— Сынок, — рокочет дракон, обращаясь к сыну, совершенно игнорируя мои слова, — хочешь полетать?

— Даа!!! — с восторгом кричит мальчик, и не успеваю я среагировать, открывает дверь, выпрыгивая из машины.

— Тогда залезай на спину, Гарри, — гремит голос дракона, — не боишься?

Дорогие читатели! Ужасно интересно читать ваши комментарии и обсуждения книги, пожалуйста, не стесняйтесь это делать!)

Глава 5

— Не боюсь! — заверяет он отца.

Я пытаюсь ухватить убегающего сына за руку, но хватаю руками только воздух.

— Оставь его, — кричу я, — и открываю дверь, чтобы выбраться из машины.

— Ты сделала выбор, — с усмешкой говорит дракон. А сын пусть сделает выбор самостоятельно. В его жилах течет моя кровь. Передавай папаше привет.

Дракон подставляет шею, и мальчик ловко забирается на отца, хватаясь за наросты на его спине.

— Закрой дверь и поезжай, куда собиралась, — говорит мне на прощание дракон.

Лорд Пауэрс разворачивается и задевает хвостом машину, едва я успеваю захлопнуть дверь, слышится скрежет поврежденного металла и тяжелый бронированный автомобиль накреняется под тяжестью мощного удара.

Я знаю, что он делает это специально, чтобы позлить меня. Он бы не стал причинять мне вред, хотя бы просто потому, что мы связаны.

Мальчик хохочет, сидя на отцовской шее, и тот начинает размахивать мощными крыльями выпуская огромную струю пламени в воздух, чтобы покрасоваться перед Гарри.

Наконец, он взлетает, и мне ничего не остается, как только глядеть в удаляющийся в небо силуэт дракона.

Я жду какое-то время, пытаюсь успокоить колотящееся сердце.

Как моя жизнь могла в один миг так резко перемениться? Я уже не понимала, со мной это происходит, или мне снится дурной сон, который все никак не прекратится.

Он не отдаст мне сына, я уже знаю это. Куда он улетел, одному богу известно. Что же делать?

нужно поговорить с отцом, возможно он сможет что-то сделать благодаря своим связям в министерстве. Если дракон что-то решил, его не переубедить. Но закон, возможно закон может встать на мою сторону.

— Машина может ехать? — спрашиваю я водителя, который все это время безмолвствует.

Он молча выходит из машины и оглядывает полученные повреждения. Я предпочитаю сидеть на месте и не выходить. Не хватало еще, чтобы он увидел мое заплаканное лицо. В сумраке салона машины мне куда комфортнее.

Он осматривает автомобиль и возвращается.

— Ничего серьезного, миледи, — машина надежная и получила лишь внешние повреждения. Если нужно, мы можем ехать.

— Хорошо. Я поеду, мне необходимо поговорить с отцом.

Водитель кивает и заводит машину. Что-то скрежещет снаружи. Похоже колесо задевает о крыло. За это лорду придется ответить перед отцом.

Отец считает каждую копейку и не спустит такого поведения даже лорду. Он бы не спустил такого поведения даже самому императору. А уж когда он узнает, что Пауэрс украл ребенка, то и вовсе придет в ярость. Вот только что он скажет мне?

Сердце мое замирает и я стискиваю в руках ремни сумки, в которой все вещи, что я успела захватить.

Стою перед огромной резной дубовой дверью, ведущей в кабинет отца и нерешаюсь войти.

Здесь, в старом богатом особняке, все по прежнему, как будто не прошло этих долгих лет, что я не посещала его.

Тут пахнет гвоздикой и тимьяном. Любимые запахи отца смешиваются с запахами кожи антикварных диванов и корешков сотен старинных книг, расставленных в стенных шкафах. Это лишь малая часть его обширной библиотеки.

Мнусь с ноги на ногу. Как он встретит меня? Что ему сказать?

Потом все-таки набираюсь храбрости и, словно бы прыгая в омут с головой, стучу в дверь.

— Войдите, — доносится до меня хриплый голос отца.

Нажимаю на массивную золотую ручку.

— Здравствуй, папа, — говорю тихо, и несмело подхожу к массивному столу из отполированного угольно черного дерева.

Отец постарел и осунулся. Почти совсем облысел, а во взгляде его появилась новая, невиданная мной до этих пор брезгливая нота.

— Блудная дочь вернулась! — саркастически восклицает он. Но с кресла не поднимается, буравя меня своими черными глазами. В его взгляде ни читается и намек на отцовскую любовь. Что же, я и не ждала теплого приема, видит бог.

Но неужели я настолько безразлична ему?

— Да, отец, мне нужна твоя помощь.

— А где же мой внук? — говорит он, надевая очки в тонкой золотой оправе. Он подслеповато вглядывается мне за спину, — я думал ты приедешь вместе с ним, кажется, его зовут Гарри?

— Я хотела, но Пауэрс... Он забрал его в последний момент. Я ничего не могла сделать.

— И ты бросила своего сына и прискакала сюда? Оставила малыша одного? Это теперь в твоих обычаях, бросать тех, кто тебя любит?

Вопросы его звучат тихо, но бьют меня словно плетью. Внутренне сжимаюсь от боли, от стыда и от несправедливости.

— Я не бросала его! — кричу я, наконец, овладев своим голосом.

— Так же как не бросала меня и мать, — глухо отвечает отец, не обращая внимания на мой тон. Раньше бы он за такое поведение на неделю отправил меня к тетке в скучную загородную усадьбу, чтобы я размышляла о своем поведении наедине со старухой, пока не одумаюсь. Чего не раз бывало в моей юности.

— Ты несправедлив, — говорю я, не видя смысла скрывать какую боль мне причиняют его слова.

— Справедливости не существует, — говорит он жестко, глядя мне в глаза, — есть только власть и сила.

— Помоги мне, я хочу вернуть сына, — говорю я умоляюще.

У меня просто нет выбора. Мне приходится просить отца. Я не могу даже представить, куда мне податься.

И я встаю на колени, в знак раскаяния.

— Пожалуйста, отец, — говорю я заливаясь слезами, — я не справлюсь одна.

Отец тяжело встает с кресла и подходит ко мне. Я жду чего угодно, опустив глаза, и вижу только его лакированные туфли, в которых он ходит даже дома, стараясь всегда выглядеть так, словно собрался на похороны высокопоставленного коллеги из министерства. Они все и всегда одеваются так, словно служат самой смерти.

Его шаги по дорожному паркету звучат как гвозди, которые забивают в крышку моего гроба.

Если он не поможет мне. То я пропала.

Я одна, без сына, без мужа, без отца.

Дорогие читатели, пожалуйста, подпишитесь на мой профиль, чтобы не пропустить обновления. Скоро вас ждет кое что очень интересное!

Глава 6

Отец кладет мне руки на плечи и я вся сжимаюсь, ожидая худшего. Чего? Удара? Нет...

Он мягко поднимает меня на ноги и обнимает.

Я плачу у него на плече и его дорогой пиджак намокает от моих слез, но он не отстраняется и только неловко гладит меня по спине.

— Ты все-таки дочь мне, — наконец говорит он тихим хриплым голосом. Неужели он сжалился надо мной?

— Прости меня, отец, — говорю я и вытираю слезы платком.

Боюсь даже представить, на что сейчас похоже мое заплаканное лицо.

Смотрю в его глаза и вижу, что взгляд его заметно смягчился, хотя упрямая складка на переносице никуда не делась.

Он меня не простил, но, похоже, ему стало жаль меня. Сейчас мне довольно и этого.

— Я помогу тебе, — говорит отец, — я слышал, что мерзавец помял машину. Он ответит и за это, и за твои слезы, дочь.

В голосе его звучит сталь. И я вздыхаю с облегчением, радуясь, что его гнев сейчас обращен не на меня.

Он похлопывает меня по спине и выпроваживает из кабинета. Этот жест столь неловок, что я понимаю, каких трудов для него стоило проявить мягкость в отношении меня, наступив на свою гордость.

— Твоя комната по-прежнему свободна, ты можешь переночевать в ней. Слуги в твоём распоряжении.

Я мешкаю на выходе, и отец торопливо скрывается у себя в кабинете, захлопнув дверь перед самым моим носом.

Нет, он не простил меня. И вряд ли простит когда-то.

Вздыхаю и поднимаюсь по знакомой лестнице, где все детство играла, утаясь под ногами у прислуги. Каждый предмет, каждая картина, все тут осталось нетронутым. Словно само время застыло в это месте.

Наверху моя комната. Она такая же, как была в тот день, когда я в спешке покидала ее. Лорд с моего разрешения выкрал меня прямо отсюда, глупенькую дурочку, едва вступившую в совершеннолетие,

Была зима, и я помню, как мне было холодно, когда я распахивала большие тяжелые окна, чтобы впустить дракона в свою спальню.

Лорд Пауэрс сразу же обнял меня и согрел в своих мощных объятиях. Я прижимаясь к его груди, чувствуя его стальные мышцы, грелась в его драконьем тепле забыв обо всем на свете.

— Люблю тебя, Лилит. — говорил он, и жадно впивался в мои губы.

Непрошенные воспоминания терзают душу и я стараюсь стереть образ из памяти. Но, конечно, тщетно. Лицо дракона стоит перед моим внутренним взором, как отпечатанное.

Можно представить, в какой ярости был отец, когда увидел, что моя спальня пуста, а окна открыты.

На столе, к своему удивлению, я обнаруживаю ту самую записку, которую оставляла тут шесть лет назад.

Беру ее в руки. Бумага пожелтела, но буквы все еще отчетливо видны.

"Прости, отец, прости мама, я люблю его, я его истинная, у меня просто нет выбора! Все будет хорошо! Я верю, в конце концов вы полюбите его так же, как я!"

Сколько восклицательных знаков. Сколько восторга... Знала бы я тогда, чем все обернется.

Как же сильно я любила его. Как же сильно я люблю его до сих пор. Почему? Почему он так поступил?

Удивляюсь своим чувствам. Как сердце может так сильно любить того, кто нанес ему такую тяжелую обиду?

Истинная. Что теперь значит это слово?

Сажусь на кровать. А потом сворачиваюсь на ней, не раздеваясь, прямо в уличной одежде, в позе эмбриона.

Забываюсь тяжелым сном без сновидений.

— Почему ты раньше меня не катал? — спрашивает мальчик, и лорд видит его восторженную улыбку до ушей, когда лорд Гай Пауэрс, наконец, налетавшись вдоволь, приземляется на крыше своего замка, и позволяет ему осторожно спуститься, поддерживая малыша огромным драконьим крылом.

— Не было времени, сынок, — рокошет дракон, — но теперь мы это поправим.

— А ты научишь меня летать? — спрашивает сын, глядя как отец перевоплощается в человеческую форму.

Лорд Пауэрс берет сына за руку и ведет в дом.

— Конечно, совсем скоро ты сможешь попробовать нащупать драконью форму. Я буду учить тебя, сын, если ты выберешь путь дракона, а не человека.

Мальчик подпрыгивает на месте от нетерпения, дергая отца за руку.

Он в восторге, что отец, наконец, обратил на него внимание.

Мальчик отпускает руку отца и бежит в спальню, спеша поделиться с матерью своим восторгом.

— Мама! Отец сказал, что научит меня принимать форму дракона! Он сказал.

Но матери нет в спальне.

Мальчик выходит и оглядывает коридор. Но матери нигде нет.

— Мама? — кричит он.

Лорд Пауэрс подходит к сыну и касается его плеча пальцами.

— Сын, мать решила какое-то время пожить у своего отца.

— Я хочу к маме, — начинает хныкать мальчик.

— Посмотри на меня, сынок, — серьезно говорит отец, и заставляет сына посмотреть в свои драконьи глаза, в которых теперь вместо золота, плещется холодное синее пламя.

Сын послушно смотрит, изо всех сил стараясь сдержать слезы. Он не понимает, Куда делась мама. Он так надеялся поделиться с ней.

— Ты же мужчина? — спрашивает Пауэрс?

— Да, — говорит мальчик неуверенно.

— Ведь ты знаешь, что мужчины не плачут?

— Да, — отвечает малыш, стараясь, чтобы его голосок не дрогнул.

— А как думаешь, плачут ли настоящие драконы?

— Нет — отвечает Гарри.

— Ты же хочешь стать настоящим драконом, и летать рядом со мной?

— Хочу, — на лице мальчика появляется несмелая улыбка.

— Тогда будь мужчиной и терпеливо жди, когда вернется мать.

Мальчик сглатывает подступающие слезы и серьезно кивает.

— Я буду мужчиной, — уверенно говорит малыш и решительно сжимает кулачки.

— И когда вернется мать, что ты ей скажешь?

— Что я люблю ее? — неуверенно спрашивает мальчик.

Лорд улыбается.

— Помимо этого. Если она попросит тебя пойти с ней, что ты ей скажешь? С кем ты захочешь остаться?

Глава 7

Отец Лилит закрывает дверь за дочерью и тяжело дышит.

Ему эта встреча далась не так легко, как хотелось бы. Он был уверен, что навсегда вычеркнул дочь из своей жизни. Ему даже показалось, что тяжелая рана, которую та нанесла ему, уже пару лет как затянулась. Но это было не так. Стоило ему услышать ее голос в телефонной трубке, все вернулось, словно не прошло этих лет.

Он садится за стол, чувствуя боль в каждом суставе, морщится и берет трубку большого делового телефона, специально установленного в его кабинете для быстрой связи с важными чиновниками. Это старый телефонный аппарат с дисковым набором. Стэнли не любит новомодных вещей и привык доверять надежным и проверенным решениям.

Его палец на мгновение замирает над цифрами, но спустя пару нерешительных секунд он смело набирает номер.

— Прости за столь поздний звонок, Лазарус, беспокоит Стэнли Риджит.

— Слушаю вас, друг мой, — отвечает министр так бодро, словно сейчас не 10 вечера, а восемь утра.

— Я звоню тебе из за Гая Пауэрса, — прямо говорит отец Лилит, — помнится, ты говорил, что я могу рассчитывать на услугу с твоей стороны. Мерзавец перешел все границы.

— Да, да, — энергично отвечает молодой заместитель министра, — это из за Лилит? Он причинил вред вашей дочери?

— Все верно, — нехотя отвечает Стэнли, — она сейчас у меня. Вернулась, спустя столько лет.

— Завтра утром я приеду к вам и мы все обсудим, — вам это подходит?

— Да, конечно, — облегченно отвечает Стэнли.

— Вот и славно, — до завтра, Стэнли. Ни о чем не переживайте, я сделаю все, что от меня зависит. Я прекрасно помню, благодаря кому я занял этот пост.

— Хорошо, Лазарус, спасибо, мой мальчик.

Стэнли привык все делать быстро и не тратить времени на лишние раздумья. Лазарус Диксон был сыном давних друзей Стэнли и именно благодаря поддержке и протекции Стэнли он предельно быстро занял один из высших постов в государстве, стал заместителем министра юстиции.

Стэнли изначально лелеял надежду, чтобы именно отпрыск Диксонов стал в конечном итоге мужем Лилит, и ему казалось тогда, шесть лет назад, что это уже вопрос почти решенный. Но Лилит решила иначе, убежав с проклятым лордом Гаем Пауэрсом...

Теперь, Стэнли Риджит надеется употребить все свои связи, чтобы уничтожить лорда.

Просыпаюсь, чувствуя себя разбитой. Раннее утро и с улицы льется неверный предрассветный свет. Не сразу понимаю где нахожусь. Воспоминания обрушиваются на меня, как горная лавина, так что дыхание на мгновение перехватывает. Пытаюсь утихомирить чувства делая глубокие вдохи и выдохи, как меня учили, когда я ходила на сеанс психотерапии.

В голове, зацикленные звучат жестокие слова отца, которые он бросил мне вчера в лицо.

«— Ты всегда бросаешь тех, кто тебя любит.»

Нужно забрать Гарри из лап лорда во что бы то ни стало. Я должна поехать туда и забрать его.

Но он наверняка уже сказал прислуге, чтобы не впускала меня. Подозреваю, что он уже выставил запретительный щит на мое появление, и я физически не смогу приблизиться к его замку, если он того сам не пожелает.

Надо хотя бы попробовать.

Резко встаю, и чувствую, как голову прошивает резкая боль. Еще этого не хватало. Головные боли преследуют меня сколько я помню себя, стоит мне понервничать или хоть ненадолго сменить обстановку. Из за этого я почти все время, все эти шесть лет, проводила исключительно в замке.

Никто так и не понял, с чем это связано, сколько бы врачей, магов и колдунов мы ни привлекали к решению этой проблемы.

Но боль — это лишь малая часть моих неприятностей. Физическую боль можно терпеть. Боль утраты же куда сильнее. Как я справлюсь с ней? Моя жизнь буквально за один вечер была полностью разрушена, и я лишилась всего.

Старый слуга Саймон все еще в доме. Он видит меня и расплывается в лучезарной улыбке, светя своим привычным серебряным зубом, от которого ни в какую не хочет отказываться, хоть ему и предлагали тысячу раз сделать нормальный имплант. Этот старик уже не просто слуга, а почти член семьи.

— Вы вернулись, мисс, — с восторгом говорит он, шевеля своими кустистыми бровями. Теперь они совсем седые. Я вспомнила, как они смешили меня, когда я была еще девчонкой.

— Я тоже рада тебя видеть, Саймон, -- говорю я ему с улыбкой, — похоже, ты уже спал, когда я вернулась.

— Да, — говорит он, морщась, — возраст, милая мисс Лилит, совсем не подарок, ложусь рано, встаю чуть свет.

— Ты еще хоть куда, Саймон. — говорю я, — за шесть лет нисколько не изменился.

— Спасибо, мисс, а вы же еще больше похорошели, — комплимент из его уст звучит очень естественно, и я в ответ только киваю, благодаря его за то, что он не задает лишних вопросов. Он всегда был очень умным и проницательным, хоть и любил строить из себя деревенского простака.

— Скажи, Саймон, нет ли у тебя чего-нибудь от головы, болит так, что не могу уже терпеть.

— Да, мисс, конечно, — говорит Саймон и торопливо удаляется.

Я остаюсь одна, и от нечего делать, рассматриваю картины в холле.

К своему удивлению, на том месте, которое раньше пустовало, вижу свой собственный портрет. Здесь мне семнадцать лет, я держу на руках собаку и смущенно улыбаюсь. А рядом со мной стоит Лазарус, мой старый друг детства, в которого я, как мне казалось тогда, была немного влюблена, пока не встретила Гая Пауэrsa и не поняла, кто мой истинный.

Совсем еще девочка.

Принимаю из рук вернувшегося Саймона лекарство и стакан воды. Он не нарушает молчание, лишь стоит рядом со мной и смотрит на картину. Безмолвно вглядываясь в прошлое вместе со мной.

— Спасибо, Саймон, — говорю я спустя пару минут и отдаю ему стакан.

— Надеюсь, вам полегчает. Если вам что-нибудь понадобится, зовите, я услышу, — говорит он и откланивается.

Гляжу как он, медленно, шаркающей походкой, удаляется в свою комнату.

После приема таблетки, кажется, что боль только усиливается.

Конечно, чуда не случилось. Боль просто так не уйдет.

Вдруг я слышу звонок в дверь. Переливчатый перезвон, звук которого вызывает так много воспоминаний, которые всегда были в голове, и словно бы распечатались в одночасье, представ передо мной яркими образами, которые нельзя игнорировать.

Иду посмотреть, кто же пришел так рано. С удивлением вижу, что отец спешит лично открыть дверь.

Дверь открывается, и я сразу же узнаю Лазаруса, он уверенной походкой входит в дом и смотрит на меня, улыбаясь так, словно ждал этой встречи всю свою жизнь.

Глава 8

Как же сильно он изменился, тот мальчик, которого я знала, теперь превратился во взрослого мужчину. Он как будто стал выше и как много в нем теперь стало уверенности. Смотрит прямо, улыбается открытой честной улыбкой. И почему я раньше не замечала, что он настолько красив?

Он здоровается с отцом, пожимая ему обе руки и чуть кланяется.

— Спасибо, Лазарус, что явился так быстро, — говорит отец.

И зачем это отец его позвал? Да еще в такую рань? Что он задумал?

Лазарус подходит ко мне и целует мою руку. На мгновение задерживает взгляд на ней.

Ну конечно. На руке ведь нет кольца. Покрываюсь краской и не знаю, что сказать. Почему-то мне стыдно перед этим молодым, уверенным в себе мужчиной, которого я всю юность считала красивым, но слишком маленьким и глупым.

— Привет, — говорю я, ощущая непривычную неловкость.

— Здравствуй, Лилит, сколько лет прошло, — говорит он низким бархатным голосом и заглядывает мне в глаза слегка улыбаясь, — рад видеть тебя.

— Я тоже рада.

Понимаю, что он все еще держит мою руку и поспешно убираю ее. Вижу на его лице легкое разочарование.

— Пойдем в мой кабинет, сынок, — говорит отец, едва взглянув на меня и поспешно уводит Лазаруса. Тот бросает на меня прощальный взгляд, и я могу поклясться, что слегка подмигивает мне.

Что это значит? Не слишком ли много он себе позволяет.

Несколько мгновений стою на месте, пытаюсь понять, что тут произошло. Головная боль снова возвращается.

Господи, какая глупость. Да о чем я вообще думаю? Нужно срочно ехать обратно, увидеть сына. Он наверняка не понимает, что происходит, нужно успокоить его. Бог знает что отец уже успел ему наговорить.

Я уже жалею, что вернулась в дом отца. Нужно было вчера ехать в гостиницу. Все здесь мучает меня тяжелыми воспоминаниями. Сперва угрюмый отец, каждый взгляд которого, режет как тупой нож по сердцу. А теперь еще этот Лазарус. Да как он смеет подмигивать мне? Что он себе возомнил, что я все еще та глупенькая девчонка, которой была шесть лет назад?

Хватаю свою сумку, которая так и висит в прихожей, нетронутая. Что я успела побросать туда?

Документы, немного наличных денег, телефон и банковская карта.

— Куда вы, мисс, — успевает заметить меня на пороге Саймон, — вам уже готовят завтрак.

— Я не могу тут оставаться, мне нужно увидеть сына, — говорю я, — прости, Саймон.

Сжимаю плечо старика на прощанье.

— Позвольте я хотя бы позову водителя, он отвезет вас, куда пожелаете.

Раздумываю мгновение. Потом понимаю, что это не такая уж плохая идея. Отец все равно, скорее всего, будет искать меня. Так пусть знает, куда я поехала. Понимаю, что он будет в ярости, но мне уже все равно.

— Хорошо, — наконец говорю я.

Сегодня водитель другой, и машина, разумеется, тоже. На той, что привезла меня вчера, я, выходя, заметила глубокую борозду, оставленную хвостом дракона.

Водитель снимает кепку с острым козырьком, приветствуя меня.

— Куда ехать, мисс? — просто спрашивает он, открывая мне дверь.

В замок лорда Пауэрс, — говорю я.

Он удивленно глядит на меня в зеркало, не решаясь тронуться с места. Похоже, они уже тут между собой все обсудили. Ну конечно. Теперь они будут бояться туда ехать. Чего доброго, лорд обезумеет и решит по-настоящему сжечь машину. Труда это ему не составит.

— Вы отказываетесь ехать? — устало спрашиваю я и берусь за ручку, чтобы выйти из машины, — тогда я вызову такси.

— Нет, нет, что вы, мисс, — поспешно говорит водитель и заводит автомобиль. Двигатель утробно рычит где-то впереди. Мне вспоминается рык дракона и голос Гая.

«— А ты можешь простить меня?»

Могу ли я простить? Жить с человеком, который предал меня ради сына? Какой ужасный выбор.

Машина едет плавно, плывет, как лодка, потихоньку убаюкивая меня. За окном проплывают городские кварталы, затемненные черным бронированным стеклом.

Лорд подходит ко мне и целует в губы. Я тут же откликаюсь, чувствую, как в груди снова разгорается дикий огонь, он бушует во мне словно красноречивый ответ на страсть лорда.

«— Ведь ты же леди, а леди не прощают такое... Или нет?»

Сквозь сон слышу чей-то голос.

— Приехали, мисс. Мисс, проснитесь.

Открываю глаза. Далеко впереди, метрах в двухстах замок лорда.

— Уже приехали? — спрашиваю я спохватываясь. Неужели я успела заснуть?

— Да, мисс.

— Почему так далеко?

— Боюсь, ближе подъехать невозможно. Здесь запретный щит, возможно, вас одну пропустит, но машина не проедет.

Вздыхаю и открываю дверь.

Похоже, мое предчувствие меня не обмануло.

Замечаю, что головная боль совершенно исчезла. То ли таблетка подействовала, то ли и правда близость дома, в котором я провела столько лет, как-то на меня влияет.

Странная штука, психика.

- Подождите, пожалуйста, меня здесь, - говорю я водителю и иду к замку.

Чувствую, что идти трудно. Щит действует как вязкая жидкость, затрудняющая движения. Но я рада, что хотя бы могу приблизиться к замку. Лорду хватило ума не ставить полный запрет для меня, но отцовский транспорт, как и его людей, он сюда точно теперь не подпустит на пушечный выстрел.

Вижу обугленные кусты сирени, над которыми, сокрушенный, стоит наш садовник. Или теперь уже вернее будет сказать, садовник лорда?

Он смотрит на меня и разводит руками. Мне жаль его. Из за секундной прихоти лорда, ему придется работать неделями, чтобы восстановить растения.

Впрочем, такое уже не впервые. Следовало бы привыкнуть.

Поднимаюсь по лестнице, чувствуя, как сам воздух сопротивляется моему присутствию, слегка затрудняя каждое мое движение.

Стучу в парадную Дверь — конечно заперто.

Терпеливо жду, прислушиваясь к каждому шороху.

Вдруг дверь открывается.

Я не ожидаю, что сам Гай откроет мне, но это именно он.

— Ну что, ты все-таки решила вернуться? — спрашивает он, и холодный синий огонь в его глазах плавно сменяется хищным золотым.

Мое дыхание перехватывает при виде лорда, и сердце начинает трепыхаться, как птица в клетке.

Дорогие читатели! Очень рада, что вы активно комментируете книгу, спасибо вам большое. Подпишитесь на мой профиль, чтобы не пропустить выход новых книг, скидки, розыгрыши промокодов и многое другое

Глава 9

Мальчик смотрит, как отец срывается вниз с горного уступа и на лету принимает форму огромного дракона с искрящейся синей и зеленой чешуей. Солнце сверкает на коже отца и чешуйки переливаются, как тысячи маленьких драгоценных камней.

Огромные крылья прорезают воздух с громким звуком и у мальчика захватывает дух от этого зрелища.

Неужели я когда-то стану таким же, как отец?

В горах холоднее, чем на равнине, а с океана дует холодный ветер и мальчик кутается в курточку, но не жалуется. Он долго смотрит на удаляющийся силуэт отца, величественно взмахивающего огромными крыльями, дракон летит на запад, к дому. Туда, откуда они только что прилетели вместе. Туда где осталась мама.

При мысли о матери на глазах мальчика начали сами собой выступать слезы. В глазах защипало так сильно, что ему пришлось вытереть их рукавом. Сделав вид, что ему что-то попало в глаз.

Гарри еще сонный, его разбудили рано утром, и отец лично доставил его сюда, в горный замок. Гарри был в восторге. Но восторг этот омрачился тем, что он не мог понять, где же его мама.

— Она будет ждать меня в замке, отец? — спросил тогда мальчик, залезая на спину отца.

— Хватайся крепче и надень очки, путь неблизкий, — рокотал отец, не отвечая на вопрос мальчика.

Он не хотел отвечать. Он знал, что ничем обрадовать сына не сможет.

«Мальчику уже стоит понять, что не все в жизни складывается так, как ему хочется. Хотя он еще и маленький ребенок, ему уже пора усваивать уроки жизни, — думал дракон.»

Мальчик смотрит на того, кого Отец назвал его учителем созерцания. Он стоит рядом, положив Гарри руку на плечо и тоже смотрит вдаль, туда где отец уже превратился в маленькую точку, не больше какой-нибудь мухи.

Это высокий человек с тонкими длинными пальцами и блестящими черными волосами, что развеваются на промозглом ветру, словно черное знамя, которое не предвещает ничего хорошего. Гарри немного боится его, но помнит слова отца, изо всех сил стараясь быть сильным, настоящим сыном дракона.

Я должен быть драконом, я должен быть, как отец.

— Если ты хочешь научиться быть драконом, этот человек покажет тебе первый шаг, сын. Скоро я прилечу, и ты расскажешь мне, что у тебя получается. Договорились?

— А когда ты прилетишь? — спросил сын, чуть не плача. Ему страшно оставаться одному, без родителей, в этом холодном, обдуваемом со всех сторон замке.

— Через три дня я буду здесь, жди меня на рассвете, Гарри.

Мальчик хотел вновь спросить о матери, но боялся гнева отца и терпеливо молчал.

Теперь, когда отец скрылся где-то за горизонтом, человек, стоящий рядом с мальчиком заговорил сухим безжизненным голосом:

— Пойдем внутрь, юный дракон, сегодня начинается твое обучение.

Мгновение стою, замерев, глядя в эти чудесные золотые глаза. Такие любимые глаза...

Но почти сразу же беру себя в руки. И почему я думала, что это будет так просто? Какую же сильную власть он надо мной имеет. Он абсолютно уверен, что я одумалась и вернулась. Как же нагло он смотрит.

— Я здесь не ради тебя, — нервно говорю ему в лицо и пытаюсь войти в комнату.

Он только улыбается и распахивает передо мной тяжелые двери, приглашая войти.

— Хочешь вина, милая? — спрашивает он и подходит к столику с выпивкой и закусками, словно бы специально для такого случая подготовленному заранее,

Он явно торжествует, потому что был уверен, что я сразу же вернусь назад.

— Я пришла увидеть сына, — говорю ему в лицо, не в силах сдержать дрожь в голосе.

— Только из-за сына? — с его лица не сходит надменная улыбка.

— Как ты посмел выкрасть его у меня из-под носа? Ты... Ты..

— Его отец — вот, кто я, — в его лице не остается и намек на улыбку. Теперь, кажется, он постепенно начинает злиться, — ты думаешь, что просто так можешь забрать моего сына, и я это проглочу?

— Это и мой сын, — говорю тихо, чувствуя, как меня подавляет его мягкая в эту минуту, но неумолимая сила.

— Это наш с тобой сын, Лилит, — говорит

Дракон и голос его звучит в моей голове так, словно именно этот ответ я и ждала. Гай передает мне бокал, наполненный вином, — лучше выпей, и мы поговорим, как любящие родители.

Машинально принимаю бокал из его руки, хоть вовсе не хочу сейчас вина.

— Ты хорошая мать, Лилит, — говорит он, подходя ко мне так близко, что я начинаю чувствовать тепло его кожи. Он шепчет мне почти на ухо, — мальчику нужна мать.

— Да, — говорю я, словно в полусне.

— Он спрашивал меня, где ты, я ответил, что ты скоро вернешься. Мальчик мне поверил. Ты же не хочешь, чтобы он перестал верить нам?

Чувствую, как его мощная рука гладит меня по щеке и уже почти готова согласиться с его словами и забыть обо всем.

Как вдруг мое сознание цепляется за одно слово.

— Верить нам? — говорю я вдруг.

— Да, — рокошет лорд глубоким голосом, уверенный, что все под контролем и я в полной его власти.

— А как можно верить тебе? — спрашиваю его, — если ты уже предал меня один раз?

Вижу, как резко его глаза из золотых снова обретают внутренний синий свет.

Выпускаю бокал из рук, и он падает на пол, разбиваясь на тысячу осколков.

Лорд не мигая смотрит на меня.

— Где сын, — спрашиваю я, — сбрасывая с себя оковы его голоса и манящих прикосновений.

Я все еще помню, что он сделал. Перед глазами встает надменное лицо Кристанны Линч, которая хохочет в объятиях моего лорда и спрашивает меня:

— Ты же не обижаешься на нас, у драконов свои игры, понимаешь?

Нет, такого я не забуду.

Он пытается удержать меня, но я вырываюсь и бегу в спальню к Гарри.

— Куда ты? Его там нет, кричит он мне вслед.

Но я не слушаю. Сердце колотится в ушах, как бешеное.

— Гарри, — кричу я, — где ты, сынок?

Спальня пуста. Его вещей нет, как и его самого.

Я сажусь на его кровать и обхватываю лицо руками.

Слезы сами катятся из глаз.

— Он в моем горном замке, — говорит Пауэрс, — я решил, что так будет лучше для мальчика. Он должен постигать свою сущность, а там атмосфера куда более... располагающая. Пусть побудет там какое-то время.

— Ты даже не спросил меня, — встаю с кровати и бросаю ему слова в лицо, как пригоршню песка.

Он даже не морщится. Похоже, моя злость только смешит его.

— Почему я должен спрашивать ту, что сама покинула своего сына? — в голосе лорда я слышу отзвуки стали.

На его красивом лице играет чуть заметна улыбка, руки скрещены на груди и во всей его позе абсолютная уверенность в своей правоте.

— Почему ты так жесток со мной? — спрашиваю я, глядя в его голубые глаза, — разве я давала тебе что-то, кроме любви, все эти годы?

— Так же как и я, моя дорогая, ничего, кроме любви. Но ты решила, что хочешь уйти из за маленькой вольности, которую я себе позволил.

При слове «вольность» он делает характерный жест рукой.

— Это ты называешь маленькой вольностью? — бью его кулаками по груди, он хватается меня за руки и не дает двинуться с места.

— Успокойся, — говорит он, — если ты приехала, чтобы предъявлять претензии, то лучше бы осталась дома с папочкой.

— Отпусти меня, — говорю ему.

Но он не слушает и продолжает держать меня, мягко, но вырваться я не могу. Я вижу, как на его лице начинают проступать очертания драконьей чешуи.

— Где мой сын? Если ты не дашь мне с ним видиться, я...

— Что ты? — спрашивает он и отпускает мои руки, — пожалуешься папочке?

— Я бы не хотела, чтобы ты испытал хотя бы малую часть той боли, что испытываю сейчас я, — говорю я и чувствую, как его лицо начинает расплываться, как и все вокруг. Это непрошенные слезы сами выступают на глазах.

Я иду прочь по знакомым коридорам и чувствую на себе его взгляд. Он не догоняет меня, не идет за мной следом, но я знаю, что дракон смотрит.

Сажусь в машину, и несколько минут пытаюсь усмирить дрожащие руки. Мне неловко, что водитель видит мои слезы, но плакать на улице, где меня может увидеть лорд или его люди, мне не хочется тем более.

— Мисс, — тихо спрашивает водитель, когда видит, что я уже немного успокоилась, — хотите воды?

— Да, пожалуйста.

С благодарностью принимаю бутылку воды из его руки.

— Как вас зовут, — спрашиваю я его, жадно выпив несколько глотков. Вода успокаивает меня, и я чувствую, что уже могу владеть собой и своим голосом.

— Кристофер, мисс, — отвечает водитель.

— Отвезите меня в какую-нибудь хорошую гостиницу, Кристофер, если можно.

Жду, когда мне принесут ключи от моего номера и я смогу, наконец, побыть наедине с собой и обдумать все, что произошло.

— Простите, мисс, — говорит девушка за стойкой в вестибюле гостиницы, — но ваша карта недействительна.

Она тут же берет ножницы и разрезает ее, не успеваю я даже сообразить, что происходит.

— Стойте, — запоздало говорю я, но уже слишком поздно.

— Возможно, у вас есть другая карта, или вы хотите заплатить наличными? Это будет тысячу восемьсот островных фунтов за одну ночь с завтраком.

Она приветливо улыбается, а сердце мое падает.

Глава 10

Этого стоило ожидать, но все равно произошло для меня, как гром среди ясного неба. Бессовестный мерзавец, он заблокировал карту, решив оставить меня без средств к существованию. Как же подло с его стороны.

И почему я не замечала, что он настолько отвратительный человек?

Лихорадочно копаюсь в своей сумочке, пытаюсь сосчитать наличные деньги. Руки дрожат, и я несколько раз подряд сбиваюсь со счета, так, что приходится считать заново.

Всего пять тысяч двести.

Сколько она сказала, стоит проживание? Тысячу восемьсот?

Получается, мне хватит всего на два дня. Какой ужас.

Оглядываю богато украшенный вестибюль гостиницы. Конечно, наверняка это самая дорогая гостиница в городе. Быть может, есть места подешевле, где я смогу пожить на эти деньги подольше?

Мне так страшно тяжело на душе при мысли о том, что придется сейчас куда-то ехать, что-то искать, что я выкладываю на стол все деньги, что у меня есть, и прошу дать мне номер на два дня.

Девушка за стойкой презрительно морщится, видя мое замешательство, и нарочито медленно отсчитывает наличные деньги, так, словно это не деньги, а личинки отвратительных насекомых.

Голова снова начинает болеть. Становится душно и все начинает слегка кружиться.

Сажусь на кресло, пытаюсь успокоиться и отдышаться.

Слишком много потрясений для одного дня. Мне нужно отдохнуть и привести мысли в порядок, иначе я просто сойду с ума.

Наконец, девушка приносит мой ключ и называет номер и этаж, куда я могу подняться.

— Спасибо, — говорю я, принимая ключ из ее руки.

— Рады видеть вас в числе наших гостей, мисс Риджит, — говорит девушка выученным голосом и совершенно теряет ко мне интерес.

Лорд проходит вслед за Лилит, не обращая внимания на разбитое стекло от бокала, что хрустит у него под подошвами. Он смотрит как она быстро идет к машине.

Быть может, не стоило так с ней говорить. В конце концов, она не виновата, что дракон имеет желания, с которыми трудно совладать. И ей невдомек, что я уже порвал все отношения с Кристанной.

Лорду вспомнилась прошлая ночь и жар губ любовницы. Внутри всколыхнулось почти непреодолимое желание сорваться и прямо сейчас броситься к ней.

А для чего терпеть? Для чего я с ней порвал, если Лилит не желает возвращаться?

Но сделанного уже не вернешь, менять решения не в моих правилах. Кристанна в прошлом. Но Лилит...

Гай Пауэрс видит, как Лилит дрожащими руками открывает дверцу автомобиля. Зрение дракона подмечает малейшие детали. Он видит даже как по ее щекам растекаются тонкие линии туши.

Быть может, все-таки стоит позволить ей увидеться с сыном? Не сейчас, так через некоторое время. В конце концов, она тоже имеет на это право.

Нужно хорошо это обдумать.

— Простите, милорд, — вдруг слышит он голос девушки, пришедший прибрать беспорядок, оставленный Лилит.

Лорд делает шаг назад и внимательно смотрит на девушку, опустившую взгляд в пол. Она подметает осколки и старается не смотреть лорду в глаза.

Лорд отмечает, что она очень красива. Длинные светлые волосы, собранные сзади в хвост, точеная фигура, которая отлично видна через строгое рабочее платье. Налитые губы, глаза, словно две сияющие голубые льдинки.

— Как тебя зовут? — спрашивает Гай Пауэрс, обращаясь к девушке.

— Стэйси, милорд, — отвечает та, поднимая взгляд и слегка приседает.

— Что-то раньше не видел тебя здесь.

— Я подменяю сестру, Хельгу, милорд.

Лорд вспоминает Хельгу, непривлекательную женщину средних лет, которую наняла Лилит несколько месяцев назад. Удивительно, насколько разными могут быть сестры.

— И как тебе нравится здесь у меня? — спрашивает лорд Пауэрс подходя к ней поближе.

— Очень хорошо, милорд, все очень добры ко мне, сестре повезло, что она работает в таком месте. Любая бы мечтала здесь оказаться.

Лорд снисходительно улыбается.

— У тебя есть какой-нибудь дар?

Девушка смущенно опускает глаза.

— Лишь легкая магия света, — говорит она, — совершенно бесполезная вещь.

— Покажи, — просит лорд.

Девушка прислоняет щетку к столу и щелкает пальцами. Тут же из них начинает литься тонкий золотой свет, слегка освещая сумрачную прихожую.

— Очаровательно, — говорит лорд и берет девушку за светящуюся руку, словно хочет рассмотреть ее поближе.

— Вы так думаете? — спрашивает она, явно смущенная таким обращением, но руки не отнимает, глядя в золотые глаза лорда, как замороженный кролик.

У Лилит нет и того дара. Она вообще не владеет, кажется, никакой магией, сколько бы мы ни пытались найти в ней хоть самые малейшие следы умения управлять одной из шести стихий.

— А ты когда-нибудь видела магию дракона? — спрашивает лорд, мгновенно меняя цвет глаз.

Смущенная Стэйси заливается краской и только качает головой.

Лорда только забавляет ее смущение и он берет ее за подбородок.

— Ты очень красива.

— Спасибо, милорд, -- еле слышно говорит девушка.

Лорд улыбается и на миг демонстрирует ей, как проявляется драконья чешуя на его коже.

— Я бы хотел, чтобы ты осталась у нас работать на постоянной основе, если не возражаешь.

— Я не возражаю, милорд, — говорит Стэйси с восхищением глядя на лорда.

Лорд оставляет ее наедине с путающимися мыслями, а сам идет в свой кабинет. Он должен сейчас решить вопрос с Лилит и обезопасить себя от возможных претензий ее отца, если тот решит влезать в его дела.

С минуты на минуту должен прибыть человек, который ему в этом поможет.

Глава 11

Дрожащими руками вставляю ключ в замочную скважину моего номера и открываю. Наконец-то я могу остаться одна и все как следует обдумать.

Захожу в темный номер, окна занавешены толстыми шторами, так что с улицы едва пробивается солнечный свет.

Здесь прохладно и сумрачно, именно то, что мне сейчас нужно. Прислоняюсь к двери, чувствуя, как напряжение постепенно отпускает меня. События прошедших суток, словно бешеная карусель, проплывают у меня перед закрытыми веками, постепенно замедляясь.

Всего за пару десятков часов я лишилась и того, кого считала своим истинным, и сына, да и отец, вряд ли захочет снова меня видеть после того, что я сперва попросила его, заливаясь слезами, о помощи, а наутро сбежала, не сказав ни слова.

Не такую дочь хотел себе Стэнли Риджит.

Он и так всегда был холоден со мной, явно не простив меня за то, что родившись на свет, я отняла жизнь у собственной родной матери. Неблагодарная дочь, ужасная мать, видимо, и не самая лучшая жена, раз лорд предпочел другую, не удосужившись за шесть лет закрепить брак, как полагается.

Беспольная, так меня за глаза называли все. Кажется, единственный человек, который меня по-настоящему любил, была та женщина, которую я всегда звала своей матерью, но родной она мне не была, хоть и дарила мне столько любви, сколько не дарят иные родные.

Смотрю на телефон, экран уже начинает мигать. Похоже, кристалл разряжается, его давно нужно бы заменить, но я даже не знаю, как это делают обычные люди. Все и всегда делали за меня, и наш личный маг, обладающий способностью управлять стихией электричества, всегда заряжает эти штуки, как и все генераторы в доме.

Что, если я позвоню ей сейчас, а она откажется меня видеть?

Нет, еще одного удара я сегодня не вынесу. Решительно выключаю телефон, чтобы не расхотеть кристалл и возвращаю его в сумку. Время для встречи с ней еще придет.

Сперва нужно все обдумать, а после уже принимать какие-то решения. Я надеюсь, что я найду выход из этой ситуации, хоть сейчас она и кажется совершенно безвыходной.

Захожу в ванну и смотрю на себя в зеркало. Теперь понятно, почему эта девчонка в вестибюле смотрела на меня с таким презрением.

Лицо заплаканное, тушь растеклась по щекам, волосы растрепаны.

Нет, это уже никуда не годится. Нужно немедленно взять себя в руки.

Как могу, привожу в порядок прическу и макияж. Здесь нет моих средств по уходу за лицом, к которым я так привыкла, ну и бог с ними. Как-то же живут остальные без всего этого?

Нужно уже начинать привыкать к самостоятельной жизни. Понаблюдать за простыми людьми, узнать, как они выживают в этом враждебном мире.

Лилит Риджит не та, кто будет хныкать, беспомощно топя ножками. Никогда такой не была, и не стану теперь.

Они говорили, что тут дают бесплатный завтрак? Отлично, именно им я теперь и займусь. А там уже можно будет решить, как вытащить сына из лап этого похотливого мерзавца, который возмнил себя вершителем судеб.

Нет, Гай Пауэрс, быть может, я не та дочь, которую хотел мой отец, но сидеть сложа руки и плакать, ожидая, когда ты разрешишь мне увидеться с сыном, я не буду.

— Крис, милая, успокойся, — увещевает разъяренную подругу Дэбора.

Дэбора Гарланд, лучшая подруга Кристанны Линч, полулежит на диване и смотрит, как та ходит из стороны в сторону, словно разъяренная тигрица.

Дэбора боится, как бы Кристанна не разнесла комнату битком забитую невероятно дорогой антикварной мебелью. Такое раньше уже бывало. Драконница имела тяжелый нрав и до крайности вспыльчивый характер. А сейчас, кажется, она была так зла, что спалить всю резиденцию Линчей для нее было бы не проблемой.

— Дэб, ты не понимаешь, — шипит Кристанна, — этот мерзавец просто бросил меня. Прилетел ночью, разбудил, разбередил мне сердце и сказал, что больше мы не увидимся. Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Найдешь себе кого-нибудь другого, Крис. Что ты заиклилась на этом Пауэрсе. Конечно, он красив как бог, но стоит ли из-за него убиваться? Он же старик, ему уже не меньше тридцати.

Дэбора всегда завидовала своей куда более богатой, намного более красивой и, разумеется, пользующейся куда большей популярностью среди мужчин, подруге.

— Мне не нужен другой! — кричит Кристанна, и швыряет в стену мраморный бюст какого-то древнего философа. Тот разбивается на две части и глухо падает на дорогуший ковер.

Дэбора жмурится от резкого звука. Похоже, ее попытки успокоить подругу делают все только хуже.

— А чем виноват этот древний мраморный мужик? — спрашивает Дэб.

— Да черт с ним! — кричит Кристанна и опрокидывает этажерку с кучей какой-то антикварной мелочи. Все летит на пол с грохотом.

Дэбора уже начинает жалеть, что пришла сегодня провести подругу. Другой день был бы предпочтительнее.

— Ну тогда надо его вернуть, — наконец говорит Дэбора, чтобы дать подруге какую-то пищу для ума и отвлечь ее от крушения драгоценного антиквариата.

Кристанна сразу подскакивает к ней, как будто только это и хотела услышать и садится рядом на диван.

— А что можно сделать?

Дэборе нравится, что подруга советуется с ней. Несмотря на то что Дэб, куда беднее и куда мене избалована мужским вниманием, молодая Кристанна всегда прислушивается к ее советам, считая ее более опытной во всех вопросах, в том числе и в вопросах отношений.

— Все просто, Крис, — говорит Дэб, — надо всего лишь избавиться от этой его подружки.

— Но как? — спрашивает Кристанна, хмурая брови, — она же родила ему сына, она его истинная!

— Успокойся, зайчик, — говорит Дэб, — истинная она, или не истинная, это точно неизвестно, поскольку их союз не был запечатлен, не так ли? Кажется, ты говорила мне об этом.

— Так, — в глазах Кристанны загорается хитрый драконий огонек.

— Ну а если так, значит, еще есть шанс заполучить лорда себе, а эту жалкую дуру, лишенную дара, вообще выкинуть из уравнения.

— Но как это сделать, если он отказался видеться со мной? К его замку я подлететь не могу, уже пыталась.

— Тогда надо сделать так, чтобы он сам начал искать с тобой встречи, — хитро улыбаясь, говорит Дэбора.

— Это каким образом?

— Кажется, есть у меня одна идея.

Глава 12

Сию в залитом солнцем ресторане гостиницы. Здесь уютно, играет тихая ненавязчивая музыка. Теперь я могу спокойно все обдумать, наслаждаясь, наконец, заслуженным завтраком.

Предельно учтивый официант, похожий на обходительную цаплю в наглаженном жилете, приносит мне еду и вежливо спрашивает, не желаю ли я чего-нибудь еще?

Отрицательно качая головой, но спохватываясь и спрашиваю:

— Нельзя ли зарядить у вас кристалл.

Достаю из сумочкидохлый телефон.

— Да, конечно, мисс Риджит, -- говорит официант и просто подносит руку к моему мобильному, из его пальцев вырывается яркая искра.

В это же мгновение, кристалл из едва тлеющего, становится насыщено синим.

Оказывается официант у них тут еще и маг, весьма удобно.

— Благодарю вас, — облегченно вздыхаю, — сколько я должна?

— Это бесплатно, — он слегка улыбается, кивает мне и удаляется на кухню.

Хорошо. Хоть одна проблема на это утро решена.

Вдруг оживший телефон начинает вибрировать, сигнализируя о входящем звонке.

Кто это?

С удивлением для себя обнаруживаю, что звонит отец.

Заливаюсь краской, ожидая справедливой яростной отповеди от него. Конечно, мне стыдно.

Отвечать ли?

— Да, — говорю я тихо, чтобы не потревожить никого из редких полуденных посетителей ресторана.

— Лилит, — голос отца звучит устало, — где ты? Почему ты уехала, ничего не сказав?

— Прости, отец, я...

— Ты что? Стоило мне отвернуться, и ты снова поехала к этому мерзавцу?

Мгновенная злость берет меня. Я сама могла называть Гая как угодно про себя, но не потерплю, если так будет говорить кто угодно другой.

Пытаюсь утихомирить разыгравшиеся нервы.

— Не говори так, пожалуйста, — это максимум, на что меня хватает. Благодарю небеса, что мне хватает выдержки не нахамить отцу за его слова, — он отец моего ребенка.

— Ты невыносима, Лилит. Срочно возвращайся домой.

— Но я...

— Никаких возражений. Приезжай, и мы поговорим.

Последняя его фраза звучит куда мягче. Он явно сдерживается так же, как и я, чтобы не наговорить лишнего.

— Я подумаю, отец, — наконец, после нескольких секунд раздумий, говорю я.

— Он только дышит в трубку.

-- Хорошо, отец, — вздыхаю я, — я приеду, но жить у тебя не останусь.

— Я понял, разберемся, жду.

Последние слова звучат сухо, и я слышу сигнал об окончании вызова.

Впервые мы поговорили не разругавшись. Большой прогресс. Еще немного и начнем общаться душа в душу.

Нужно отдать отцу должное, он старается. Меня даже удивляет, насколько он сдержан. Я бы на его месте саму себя не простила.

Листая фотографии сына на телефоне чуть не плачу.

Как он там без меня? Я была лишь однажды в горном имении Гая, и мне там вовсе не понравилось. Холодное, обдуваемое со всех сторон негостеприимное фамильное жилище Пауэрсов.

Добраться туда могли только драконы, или те, кого драконы согласны туда доставить. Вообще-то, из людей там бывали считанные единицы. Немногие удостоивались такой чести.

Мне там делать было нечего. Видеться с родственниками Гая, которые считали меня недостойной их великолепного лорда, у меня никакого желания не было. Поэтому я провела там лишь несколько ночей, после чего попросила лорда унести меня оттуда.

Семейной идиллии не получилось.

Они бы не приняли никого, кроме драконницы. Ну конечно, чопорные Пауэрсы, самый влиятельный драконий род на острове, хранящий такие древние тайны и умения драконов, об обладании которыми другие рода могут лишь мечтать.

С одной стороны я была рада, что Гарри теперь там, это значит, что его воспитают как нужно, сделают из него настоящего мужчину и раскроют его драконью ипостась.

С другой стороны, я не могла смириться с тем, что он вне моей досягаемости. Он слишком мал еще, слишком незащищен и ему нужна любовь матери. Пожилая сварливая мать Гая на эту роль явно не подходит. Единственное, что она может дать — это презрительные взгляды и разочарованное закатывание глаз.

Сердце сдавило от нежности к сыну. Как он там совершенно один, без меня?

— Ты ведь не бывал раньше тут, юный дракон? — спрашивает старик, сидящий в огромном, богато украшенном кресле, когда к нему подводят Гарри.

Голова старика совершенно седа, но волосы густые и крепкие. Он пытливо смотрит на внука орлиным взглядом. Мальчик лишь растерянно оглядывается по сторонам, чувствуя себя неловко, словно его изучают как экспонат в музее.

В зале прохладно, и ему кажется, что кончик носа и уши вот вот отвалятся, как ледышки. Деда, холод, видимо, ничуть не беспокоит. Конечно, он же настоящий дракон.

— Да, дедушка, — отвечает Гарри звонким уверенным голосом, хоть и тревожится в эту минуту, — здесь я не бывал. Спасибо за гостеприимство.

Дед улыбается.

— По крайней мере, воспитан ты неплохо. Но дракон не обязан быть вежливым, или учтивым. Дракон обязан быть сильным и знать свои желания. Ты это понимаешь?

— Я понимаю, — говорит мальчик.

— Не ври мне, — вдруг улыбка с лица деда полностью исчезает, — я знаю, что тебя слишком долго воспитывала только человеческая женщина. Наверняка она учила тебя, что нужно быть добрым, нельзя обижать других, а самое главное — нужно терпеть, если тебе что-то не нравится. Ведь люди так любят терпеть.

Мальчик молча смотрит на деда, не зная, что ответить ему. Именно этому и учила его мать.

— Так ты хочешь стать драконом? — спрашивает дед торжественно, — или тебе больше нравится быть слабым человеком, внук? Ты хочешь летать в небесах, или хочешь ползать, как навозный жук, копаясь в земле, лишь изредка глядя в небо, ожидая от него подачек в виде дождя или солнца?

В голосе деда звучит утробный драконий рык, который, многократно усиливаясь, разлетается по сводам холодного зала.

— Я хочу быть драконом, — говорит мальчик еле слышно.

— Не слышу, — повышает голос дед и его глаза загораются ярким синим огнем.

— Я хочу быть драконом! — кричит мальчик.

— Молодец, — смягчается дед, понижая тон, — а что в первую очередь нужно сделать, чтобы встать на этот путь?

Мальчик растерянно глядит на дедушку.

— Скажите, — просит мальчик, наконец, когда понимает, что дед не намеревается нарушать воцарившееся молчание.

— Ты должен узнать все злое, что есть в тебе, и принять его.

— Как его узнать? — спрашивает он.

— Я преподам тебе первый урок, с позволения твоего отца, — говорит дед и встает с кресла.

Возвращаюсь в номер, и, к своему удивлению, вижу на столе огромный букет ярко алых роз, цвет которых явно усилен мощным заклинанием света. Они светятся так сильно, что вся комната теперь залита уютным розовым сиянием.

Это что же, тут всем посетителям обеспечивают свежие цветы, одобренные дорожными заклинаниями? Неудивительно, что номер стоит таких денег.

Подхожу ближе и сразу же вижу прикрепленную к букету открытку с золотыми узорами. Аккуратно вытаскиваю ее и раскрываю.

— Милая Лилит, пусть твои глаза сияют так же ярко и тепло, как эти цветы.

Никакой подписи. Что это значит?

Глава 13

В недоумении смотрю на записку и на букет.

Это уж сейчас совсем неуместно. Кому пришло в голову присылать мне букеты?

Гай точно бы не стал этого делать. Тогда кто?

Втыкаю записку обратно. В голове, снова зарождаясь, начинает пульсировать боль.

Ну конечно, а я уже было обрадовалась, что она отступила, теперь не так сильно, как утром, в доме у отца, но все же.

Странный букет сейчас совсем не кстати. Теперь его сияние кажется мне неприятным и раздражающим глаза.

Я беру его в руки и выношу из комнаты. Кто бы не принес его сюда, пусть знает, что это последнее, что мне сейчас нужно.

Вижу в коридоре девушку, обслуживающую номера.

— Простите, — спрашиваю, — вы не знаете, кто принес это в мой номер?

— О, это был очень приятным молодой человек, высокий и красивый, он попросил оставить его в вашем номере.

— Заберите, — говорю я ей, — если еще принесут что-то подобное, скажите, пожалуйста, что это мне не нужно.

— Простите, — говорит смущенная горничная, — я думала...

— Все хорошо, — говорю я, — если хотите, оставьте его себе.

— Мои ищейки незаметны, лорд Пауэрс, — говорит Эмеральд Зоран, миниатюрный щеголеватый мужчина лет пятидесяти, с интересом разглядывая свои безупречные ногти, — можете не переживать, засечь их невозможно.

— Кто притаил ей этот светящийся веник? — спрашивает лорд и крутит на столе объемную проекцию того, что сейчас происходит рядом с Лилит.

— Пока мы не знаем, как только прояснится, я вам тотчас же доложу. Пока что развернуты не все ячейки и диапазон ограничен небольшими рамками. Нужно время.

— Я плачу вам огромные деньги, — говорит Лорд. Мне нужна информация как можно быстрее.

Сыщик поднимает взгляд от своих ногтей и смотрит лорду в глаза.

— Наша репутация безупречна, при всем уважении, мы работаем так хорошо, как не работает никто. У нас лучшие маги и лучшие аналитики.

— Что с отцом? — перебивает его самопрезентацию лорд. Вы не настолько лучшие, чтобы добаться до него?

Сыщик поджимает губы.

— Пока добаться до него невозможно. Очень сильные ограничительные заклинания. Плюс там работает мощный маг, генерируя поле такой мощности, что нам пробиться пока невозможно. Но мы делаем все, чтобы добиться успеха.

— Мне нужно знать, что он задумал, — лорд встает с кресла. На столе висит изображение Лилит, которая морщится от боли, сдвигая виски пальцами, — и мне нужно знать, почему она уехала из его дома.

— Да, милорд, все будет в лучшем виде и с наивысшей скоростью.

Похоже, эти дармоеды только и способны, что хвастаться. Такую слезку я бы и сам мог организовать, послав туда обычного человека, или подкупив эту горничную, что притаила букет в номер Лилит.

— Если к вечеру я не узнаю все, — говорит лорд, — придется расторгнуть с вами контракт.

Сыщик смотрит на лорда в недоумении.

— При всем уважении, милорд., лучше нас, вы никого не найдете.

— То, что вы мне притащили, я бы мог сделать и сам, — говорит лорд Пауэрс, — мне нужно знать, почему она убежала от отца, и что он задумал. Мне нужно знать это сейчас.

— Но нам удалось выяснить то, о чем вам неизвестно, милорд, — с хитрой улыбкой говорит Зоран, словно бы выкладывая на стол неоспоримый козырь, который до той минуты был припрятан у него в рукаве.

Лорд, который уже было собрался вышвырнуть сыщика из своего кабинета, теперь с интересом глядит на него.

— И что же это? — спрашивает он.

— Когда мы пытались взломать защиту в имении Стэнли Риджита, мы наткнулись кое на что.

Эмеральд Зоран подошел поближе к столу, за которым сидел лорд и выложил на него связующий артефакт.

Изображение Лилит сменилось обзорным изображением дома Стэнли Риджита.

— Видите эти цветные линии вокруг дома?

— Это силовая карта, я знаю, что это такое, — раздраженно говорит лорд, — хватит напускать тумана, говорите по сути.

— Вот эти обычные линии, красные, синие и зеленые, — ничуть не смутившись продолжает Эмеральд, — это силовое поле трех видов. И в нем нет ничего необычного, кроме того, что оно очень мощное и каждое из них поддерживает лежащее рядом, оттого оно так сильно и через него так сложно пробиться.

— Дальше, — нетерпеливо говорит лорд.

— А вот это, — Зоран указывает на фиолетовое поле берущее начало откуда-то из недр дома, и распространяющиеся во все стороны тонкими щупальцами, охватывая огромную площадь и уходя далеко за пределы дома, — это аномалия. Если бы не этот источник мы бы уже знали, что там происходит, несмотря на мощност остальных полей. что генерируют маги Риджита. Эта вещь настолько сильная, что вносит помехи во все типы ищеек.

— И что это по вашему?

Зоран увеличивает картинку и фокусируется на источнике поля, большом фиолетовом шаре, пульсирующем в недрах дома.

— Мы пока не знаем, но явно можно сказать одно, это источник, блокирующий силу определенного рода, и даже более того...

Зоран делает театральную паузу.

Лорд смотрит на него и хмурится все сильнее.

Если этот слизняк не перестанет делать театральные трюки, я вышвырну его тотчас же, клянусь первым драконом.

— Блокирующий силу определенного человека. И с самого утра сила этого поля растет без остановки.

— Зачем Риджиту блокировать чью-то силу?

— Чтобы это понять, милорд, нам нужно узнать, на кого это нацелено. Но сказать могу одно, любой неподготовленный человек от воздействия такой мощи вполне может лишиться рассудка.

Лорд задумчиво глядит на пульсирующий шар.

— Используйте любые доступные ресурсы, если нужны еще средства, я выделю столько, сколько нужно.

— Эмеральд кланяется и выходит из кабинета.

Лорд меняет связующий артефакт на столе и снова смотрит на Лилит. Она умывает лицо и глядит на себя в зеркало, на ее лице отчетливо проступает боль.

Лорд прикасается к ее лицу, но его пальцы проходят сквозь проекцию.

Глава 14

Просыпаюсь от сообщения отца.

— Машина за тобой уже приехала, она ждет тебя на парковке отеля.

Вздыхаю, собираясь с духом. Почему-то мне очень тяжело при одной только мысли, что нужно ехать обратно в этот дом. Но раз уж я обещала, то обещание надо выполнять. Тем более, если отец поможет мне вернуть сына, я должна сейчас бежать туда со всех ног и пешком, если он попросит.

Подхожу к окну и открываю шторы.

Утро встречает меня проливным дождем. Дождь громко барабанит по карнизу, навевая тревожные мысли о предстоящем дне. Неприветливое хмурое небо как будто подчеркивает мое мрачное настроение.

Отсюда, сверху, видны только круги черных зонтов, которыми прохожие на тротуаре внизу прикрываются от дождя. Только редкие единицы из них обладают силовыми заклинаниями, запечатленными в камнях, защищающими от воды. Конечно, такие есть только у самых богатых, им ни в коем случае нельзя запачкать свои роскошные наряды.

Над ними как будто висит непроницаемый прозрачный купол и ни одна капелька воды не смеет упасть на их безупречную одежду, капли дождя испаряются на лету, не успевая даже сообразить, что произошло.

Глядя на все это, ловлю себя на том, что радует меня только одно, я больше не чувствую той сильнейшей физической усталости, что буквально сковывала меня вчера. Сегодня я более или менее готова. К чему? Мне кажется, что к чему угодно. Даже сильнейшая головная боль, что терзала меня вчера, как будто немного ослабла. Или я просто привыкла?

За дверью слышится какая-то возня и сдавленные разговоры сразу нескольких голосов.

Что там происходит?

Собираюсь с духом и открываю дверь, чтобы выйти во внешний мир. И тут же натываюсь на совсем странную картину. Странную и неожиданную.

Весь пол в коридоре, насколько хватает глаз, заставлен букетами с цветами. Растерянный персонал отеля ходит вдоль букетов и явно не знает, что с ними делать.

Делаю несколько шагов. Ступаю осторожно, чтобы не опрокинуть какую-нибудь вазу, что в множестве стоят на полу, и окликаю ту самую девушку из персонала, которой вчера отдала букет, что стоял в моем номере.

— Что происходит? — спрашиваю ее, а сама чувствую, как меня охватывает странное волнение.

Она только беспомощно разводит руками и чуть не плачет.

— Я не понимаю, — говорит она. Я пришла на смену утром, а тут это. Может быть, вы сумеете это как-то объяснить?

— А при чем здесь я? — спрашиваю ее.

Она нагибается и достает из одного из букетов открытку, очень похожую на ту, что была в моем вчерашнем букете, золотые узоры на красной бумаге.

Принимаю открытку из рук Девушки.

Читаю надпись:

« Дорогая Лилит, вижу, что тебе не понравился мой вчерашний букет. Прости, это моя вина, я мог не угадать с сортом цветов. Поэтому сегодня ты сама можешь выбрать тот, что тебе по душе.»

Я закатываю глаза.

— Какая расточительная и бесполезная трата денег, — говорю я горничной.

— Мисс, — спрашивает меня она, — что нам с ними делать?

— Если найдете того, кто их купит, продайте, а деньги оставьте себе, — говорю я и направляюсь к выходу с этажа.

— Но мисс, — окликает она меня, — они стоят целое состояние.

— Мне все равно, — говорю я ей, — я не просила и не ждала никаких подарков ни от кого. Можете найти хозяина и вернуть ему.

Девушка только качает головой в ответ.

Кто бы это ни был, он явно думает о себе слишком много. Возмнил бог знает что. Цветы, конечно, красивые. Но как он, кем бы он ни был, не может понять, что мне сейчас не до этого? Неужели мне нужно будет бежать и отсюда, чтобы меня уж точно никто не нашел?

Тайный поклонник. Мне уже не восемнадцать лет, чтобы меня будоражили такие вещи. Однако, стоит признать, что самую малость это согрело мое сердце в это хмурое утро, или, по крайней мере, чуть развеселило.

Я живу в самом дорогом отеле, из которого меня завтра вышвырнут, мой сын в лапах лорда Пауэрс и мне нужно ехать обратно в дом отца, в котором я почему-то физически не могу находиться. А я радуюсь цветочкам.

Со мной явно что-то не так.

Если бы я сейчас встретила этого странного человека, кем бы он ни был, что тратит кучу денег на эти цветы для женщины, которой это совершенно не нужно, я бы спросила его, как он, будучи таким глупцом, обладает такими деньгами, что может тратить их так глупо.

Водитель, который вчера привез меня сюда, уже сидит в фойе гостиницы.

Едва завидев меня, он поднимается и приветливо кланяется.

— Мисс Риджит, ваш отец прислал за вами.

— Спасибо Кристофер.

— Возьмите, пожалуйста, говорит он мне, прежде чем мы выходим на дождливую улицу Я принимаю из его руки камень, со сложными переплетениями металлов внутри.

— Спасибо.

Ну что же, видимо, мокнуть мне сегодня не придется. Выхожу на улицу и смотрю вверх, чтобы увидеть, как капли дождя исчезают в силовом поле, созданном камнем. Мне еще в детстве нравилось смотреть на это. Забытое ощущение. Как много всего забытого мне приходится воскрешать в памяти в последние дни.

— Ты вернулась, — говорит отец.

На этот раз, он куда более приветлив. Это греет мне душу, но я не спешу слишком радоваться. Он встречает меня прямо у входа, как будто нетерпеливо ждал все это время.

— Я не вернулась совсем, говорю я и шурю, пытаюсь сдержать боль, которая после недолгой поездки на машине, похоже, только усилилась. Отец замечает это.

— Что с тобой? Что-то болит?

— Да, немного болит голова последнее время, не обращай внимания, пройдет.

Отец хмурится и поджимает губы.

— Я сейчас же вызову доктора.

— не нужно доктора, отец, — останавливаю его я, зная, что никакой доктор тут не поможет, я мучалась с этими болями столько, сколько знала себя.

Он вздыхает и берет меня под руку. Я чувствую, что это дорогого ему стоит, особенно, после моего вчерашнего демарша.

— Пойдем в мой кабинет, у меня есть кое-какие новости.

Глава 15

-- вы покажете мне магию дракона? — спрашивает Стэйси, смело глядя в глаза лорда.

Он молча распахивает перед ней дверь, глядя, как тонкое платье обвивает ее идеальную фигуру. Он видит, что на ней нет белья, и улыбается, чувствуя, как волна приятного возбуждения прокатывается по его телу, застывая внизу живота.

Должен ли я противиться? А зачем? Лилит ушла, не пожелала простить меня даже ради сына. А теперь сын, после того как погостит в горном замке и познает путь дракона, уже не захочет возвращаться к мамочке под крылышко. У него будут свои крылья, у него будет свой голос и у него будет своя воля. Как и у меня.

— Магию дракона? — говорит лорд утробным голосом и показывает девушке промежуточную форму, проявляя чешую на человеческой коже, — не боишься, что пламя дракона сожжет тебя?

— Не боюсь, милорд, — смело говорит Стэйси, глядя в глаза лорда, в которых пляшет страстный золотой огонь.

— А ты смелая девочка, — рокошет дракон улыбаясь.

Он крепкими руками прижимает ее к себе. Ей страшно, но возбуждение захватывает ее с такой силой, что она готова сгореть как свечка, в его мощных объятиях.

Спустя время, лорд гладит нежную кожу горничной, чувствуя под пальцами биение ее молодого сердца, она лежит, поджав под себя ноги, обнаженная и беззащитная. Лорд не удивлен, что она сама явилась к нему в покои. Это было предсказуемо.

Умная девочка, хоть и хочет казаться ничего не понимающей деревенской дурочкой.

Гай Пауэрс с удовольствием воспользовался всем, что она готова была предложить. А готова она была на удивительно многое, для обычной человеческой девушки.

Он поднимает прядь ее светлых волос, закрывающих миловидное личико и долго глядит на ее почти идеальные черты лица. Пухлые губы, маленький аккуратный нос, нежная упругая кожа.

Красивая, молодая и свежая, как распустившийся цветок, во весь голос славящий весну. Знает на что потратить недолгий век своей простоватой красоты.

Ничего удивительного. Они почти все знают, потому их красота и не стоит ничего для таких, как я.

В старые времена мои предки нередко сжигали человеческих женщин после таких ночей. Но женщины все равно шли к драконам, чтобы познать истинный огонь наслаждения. Их не останавливал даже страх смерти. Тем более что некоторых из них, драконы впоследствии делали своими женами.

Гай Пауэрс проводит по щеке девушки пальцем. Та едва заметно улыбается во сне, надувая губки.

Красива, хороша. Но не она.

Лорд встает с кровати и выходит на балкон. Он вдыхает прохладный ночной воздух и смотрит в небо. Звезды светят ярко и перемигиваются, словно бы задавая ему какой-то вопрос.

Он проходит в свой кабинет и наливая виски в стакан, садится за стол.

Он двигает дистанционную проекцию и находит лицо спящей где-то в гостиничном номере Лилит. Ее сон тревожен, она дергается и хмурится, словно отбивается от кого-то. Какое-то странное чувство еле слышно дает о себе знать, когда он видит ее лицо.

— За что, Гай, — шепчет она во сне.

Он хмурится и залпом выпивает обжигающий напиток, а затем снимает со стола связующий артефакт. Изображение Лилит пропадает.

— Хватит, говорит он вслух, обращаясь неизвестно к кому, — какая глупость.

Он встает, разбегается и ныряет в ночь, у самой травы принимая форму дракона. Он летит вверх, и верхушки деревьев прогибаются от ветра, что нагнетают его мощные крылья.

Ветер свистит в ушах лорда, когда он, как стрела, набирает высоту.

Он летит выше и выше, к самым облакам, где чешуя начинает покрываться льдом, который, похрустывая, падает вниз хлопьями снега, постепенно превращаясь в воду.

Гай Пауэрс смотрит на ночной город, плавно огибая его с северной стороны. Здесь так высоко, что отсюда видно берег океана и пики самых высоких гор. Если подняться еще выше и податься севернее, можно будет увидеть даже материк.

Он вдыхает ледяной воздух своей мощной грудью дракона, словно наполняя гигантские кузнечные меха, и выпускает яростную струю пламени в небо, навстречу перемигивающимся звездам.

— За что? — словно бы спрашивают звезды в ответ.

Лорд яростно разворачивается, хлопая огромными крыльями, и летит вниз, обратно к свету огней ночного города.

Он не может выкинуть из головы лицо Лилит и ее слова.

Глава 16

Вхожу в дом и чувствую, как на меня снова обрушивается ворох воспоминаний и невысказанных обид родителей. Время словно бы повторяет одни и те же кадры перед моим внутренним взором.

Иду за отцом в его кабинет, стараясь не смотреть по сторонам. Мне бы хотелось быть сейчас в совсем другом месте, но ничего не поделать.

— Я говорил вчера с людьми, Лилит, — начинает отец, усаживаясь в свое большое кресло.

Я снова чувствую себя неуютно, словно просительница, которая пришла к чиновнику молить о заступничестве. Почему мне так сложно говорить с отцом?

Вспоминаю наш прошлый разговор, когда я стояла в этой комнате перед отцом на коленях.

Конечно, я бы встала снова. Только бы узнать, есть ли у меня теперь шанс на то, чтобы хотя бы увидеть сына еще раз.

С болью вспоминаю, как радостно Гарри бежал к отцу, когда тот предложил ему полетать. Он никогда не оставался без меня на столь долгий срок.

— У лорда есть определенные права на ребенка, — сухо продолжает отец. В случае когда речь идет о взаимоотношениях между людьми и драконами, закон всегда будет стоять на стороне драконов. Так уж устроено наше законодательство.

— Я это знаю, — сокрушенно говорю я.

— Но не спеши отчаиваться, Лилит, — говорит отец и я слышу в его голосе ... что? Намек на теплоту? Жалость?

— Гарри в их фамильном горном замке, — говорю я отцу. Я хотела увидеть его, но его нет в городе.

— Конечно, это все усложняет, но есть и позитивные моменты.

— Какие? — спрашиваю отца, впрочем, не особенно рассчитывая на хорошие новости.

— Помимо буквы закона, дочь, есть еще и дух закона, и вот он может трактоваться куда более свободно. Особенно если мы можем заручиться поддержкой влиятельных людей.

— Каких людей, — настороженно спрашиваю я, чувствуя что-то неладное в тоне отца.

— За время своей службы я успел обзавестись некоторыми связями и скажу тебе прямо, дочь, я не оставлю выходки этого мерзавца без наказания.

Вижу, как отец злится. Его ноздри расширяются, и он сжимает зубы. Зная нрав отца, я понимаю, чего ему стоит сдерживаться в эту минуту.

— Не забывай, отец, что он навсегда останется отцом моего сына. Что бы ни случилось дальше.

Он вздыхает и разжимает руки, которые до этого были сжаты в кулаки.

— Если бы не это обстоятельство, Лилит, я бы употребил все силы, чтобы он покинул остров навсегда. И поверь, у меня хватило бы влияния в высших кругах.

Я знала, что отцу такое под силу. Род Пауэрсов был одним из самых могущественных и древних драконьих родов, но Риджет, эта фамилия хоть и не была у всех на слуху, но люди, обладающие влиянием и властью, отлично знали, какими связями обладает наша фамилия.

— Все, чего я хочу, — говорю я, — это видеть сына. Я не хочу мстить, я не хочу устраивать публичные суды и выворачивать наизнанку душу перед незнакомцами. Гарри мой сын и я не могу жить без него. Если Гай не понимает этого, его нужно вынудить смириться с этим фактом и заставить учитывать мои интересы.

— Да, дочка, я понимаю, — вздыхает отец.

— Возможно как-то это сделать?

Отец жуёт губами и делает цокающий звук, словно бы решаясь на что-то.

— Возможно, Лилит, но есть определенные условия.

Сердце мое падает, я по взгляду отца понимаю, что условия, которые он мне предложит, мне не придутся по душе.

Вздыхаю и спрашиваю прямо:

— Что нужно сделать?

— Есть один знакомый тебе молодой человек. ПОмнится, вы были очень дружны в детстве.

— К чему ты клонишь, папа? — раздраженно спрашиваю я его.

— Он хочет с тобой увидеться и обсудить все лично. Я уже поговорил с ним, и он готов оказать поддержку, но серьезно браться за дело, он готов только после встречи с тобой.

Смотрю отцу в глаза и пытаюсь понять не шутит ли он.

Нет, он не шутит.

— В каком смысле?

— Увидеться лично, — говорит отец и характерно прочищает горло, он всегда делает так, когда волнуется.

— Что это значит — спрашиваю я его, — ты хоть понимаешь, как это звучит?

— Обычный ужин, ничего больше, — говорит отец, — к тому же, вы хорошо знакомы. Я не думаю, что тебя это как-то скомпрометирует.

— Это его условие?

Отец вздыхает.

— Ты ему нравишься, Лилит. Я скажу тебе прямо. Он готов помогать, только если будет понимать, что у него есть хотя бы шанс на...

Непонимающе мотаю головой. Это какой-то абсурд.

— На что? Я замужняя женщина, отец, — перебиваю я отца.

В ответ он только слегка качает головой.

— Незамужняя, дочка.

Заливаюсь краской и тяжело дышу. Боль в висках от напряжения начинает пульсировать со страшной силой.

— Я истинная лорда Гая Пауэрс, отец, — говорю я, пытаюсь не повышать голос на отца слишком сильно.

Отец несколько мгновений молчит, переживая бурю. Потом тихо говорит.

— Если бы ты была истинной, он бы не изменил тебе.

Его слова ранят меня хуже любого ножа. Чувствую, как будто в сердце раскрывается цветок боли, усыпанный острыми стальными шипами.

— Это жестоко, — говорю я.

Зря я пришла, зря я пыталась найти помощи у отца.

— Это просто ужин, — пытается оправдаться отец, видя, как мне больно, — не стоит так реагировать.

— Ведь ты всегда этого хотел, да? И теперь снова подвернулся удачный шанс свести меня с Лазарусом, как призовую собаку?

— Не изворачивай все. Ты не так все поняла, дочь.

Отец пытается удержать меня, но я вырываюсь из его рук и бегу вон из его кабинета. Слезы льются из глаз, и я тяжело дышу, как загнанный зверь.

— Стой, Лилит! — кричит отец, когда я выбегаю на улицу.

Нет, ни минуты я здесь больше не буду оставаться. Боль пульсирует в голове так, словно по ней бьют огромным молотом. Сознание начинает мутиться, и весь мир кружится вокруг меня.

Я вырываюсь из дома, почти наугад, и бегу через двор, к проезжей части.

Я слышу скрежет тормозов и удара где-то неподалеку. А потом меня оглушает звук множества автомобильных сигналов, которые пытаются переорать друг друга.

Я делаю еще несколько шагов и чувствую, как теряю сознание. Чьи-то сильные руки подхватывают меня, и я слышу смутно знакомый взволнованный голос:

— Что с ней, Стэнли? Что вы ей сказали?

Глава 17

Прихожу в себя от яркого света, бьющего в глаза.

Чувствую, что лежу на кровати. С удивлением для себя обнаруживаю, что не чувствую боли, совсем. Голова ясная и чистая.

Чуть поодаль слышу голоса. Кто-то беседует, но разобрать о чем, я не могу, как ни вслушиваюсь.

— Где я, — не открывая глаз, спрашиваю в пустоту, боясь разомкнуть веки и обнаружить, что боль возвращается.

Вереница воспоминаний врывается в мое сознание, как скоростной поезд. А так хотелось бы, чтобы события прошедших дней были всего лишь дурным сном.

Все прошедшее как в тумане, разговор с отцом, тяжелая головная боль, я помню, куда-то бежала и меня подхватили на руки и все вдруг исчезло.

— Кажется, она приходит в сознание.

Голоса становятся ближе.

— Мисс Риджит, вы слышите меня?

Я открываю глаза и вижу пожилого мужчину в белом халате и золотых очках на носу. Он озабоченно смотрит на меня, внимательно ожидая ответа.

Я оглядываюсь по сторонам. Помещение похоже на больничную палату. Белые стены, белая мебель, белоснежные шторы на окнах, сквозь которые пробивается непривычно яркое солнце.

— Что случилось? Где я? — спрашиваю, вместо ответа на его вопрос.

— Не переживайте, все хорошо, вы в частной клинике Диммельса. Здесь о вас позаботятся в наилучшем виде.

— Но почему я здесь? — спрашиваю я, оглядываясь по сторонам.

— Вы, как бы это сказать, в общем, вы потеряли сознание, и ваш отец принял верное решение, привезя вас к нам. У нас лучшие маги медики и, помимо этого, технические средства высочайшего уровня на переднем крае науки.

Доктор говорит таким тоном, словно рекламирует товар.

Я поднимаюсь с кровати, ощущая необычную легкость и силу в своем теле, как будто раньше носила на себе тяжелый груз

Киваю головой, не особенно обращая внимания на трескотню доктора о преимуществах его лечебницы над другими.

Подхожу к окну и отодвигаю штору. Вижу залитый солнцем двор, по периметру которого высажены аккуратные яблоневые деревья.

Люди в белой одежде неспешно прогуливаются туда-сюда. Так могут гулять только люди которым совершенно нечем заняться и давно уже некуда спешить.

— Но зачем я здесь, — говорю я и оглядываю себя. Меня обрядили в такую же белую одежду, как и тех, кто гуляет на улице, — я замечательно себя чувствую и мне нет никакой нужды тут оставаться. При всем уважении я бы хотела как можно скорее покинуть ваше заведение.

Доктор морщится так, словно только что съел целую дольку лимона.

— Простите, мисс Риджит, но мы еще не закончили обследование.

— Со мной все хорошо. — говорю я, — меня ни к чему обследовать.

Меня уже тысячу раз обследовали различные врачи, и местные, с острова, и даже те, кто специально прибывал к нам с материка. Никто не находил никаких проблем с моим здоровьем. И головные боли, которые меня мучали, так и остались нерешенной загадкой. Я сомневаюсь, что теперь что-то изменится.

— Но господин Риджит просил о полном обследовании для вас, он заплатил большие деньги. Поймите, что для того, чтобы попасть к нам, необходимо выждать огромную очередь. За вас же просили на самом высоком уровне...

— Но я не могу сидеть тут сложа руки, поймите. Мой сын, он без меня. Я должна...

Я поняла, что говорю это зря. Этим людям нет никакого дела до моего сына и моих проблем.

— Боюсь, мы не можем сейчас вас отпустить, мисс Риджит, — хладнокровно говорит доктор, — вам придется остаться здесь, пока обследование не будет завершено.

— Вы хотите сказать, что я здесь пленница?

— Нет, — улыбается доктор, глядя на меня, как на несмышленную девочку, — просто мы не допускаем, чтобы люди, которым вшивают наш новейший аналитический артефакт, разгуливали по улицам, это слишком дорогая вещь.

— Какой артефакт?

— Новейший, — говорит доктор, — вам сделали операцию, и вы должны провести тут неделю, спустя неделю мы извлечем артефакт и вы сможете покинуть лечебницу. Но уже сейчас мы получаем очень интересные данные.

— Но меня никто не спросил, хочу ли я находиться здесь и уж тем более хочу ли я, чтобы мне что-то вшивали.

Чувствую себя совершенно беспомощной.

— Но мисс Риджит, этого вовсе и не требуется. Простите.

— Что вы имеете в виду?

События прошедших дней кажутся мне каким-то дурным сном. Почему я так странно вела себя? Я помню, что кричала и плакала, выбежала на улицу.

Что со мной было?

Только сейчас понимаю, что меня могла сбить машина. Я могла погибнуть и тогда Гарри остался бы без матери. Неприятные мурашки пробегают по всему моему телу, когда я осознаю, что прошла по самому краю.

— В случае, когда человек может навредить самому себе, и это задокументировано, представитель человека имеет право принимать решение за него. У вас, очевидно, наблюдалось временное помутнение рассудка и вы хотели броситься под машину. Именно поэтому вы здесь.

— Я хотела броситься под машину?

Доктор копается в бумагах.

— Да, здесь указано, что вы выбежали на проезжую часть и из-за вашего поведения три автомобиля столкнулись. Два человека госпитализированы, но, похоже, их жизни ничто не угрожает. Ваше состояние очень серьезное.

Услышав слова доктора сажусь на кровать.

— У меня очень болела голова, — говорю я, — все вспоминается, как в тумане.

В голове всплывают слова отца, после которых я выбежала из дома.

«Если бы ты была истинной, он бы не изменил тебе.»

— Но что со мной было?

— Пока неизвестно. Но мы нашли нечто очень странное, когда обследовали ваше поле восприятия магических волн, — говорит доктор, и я слышу неподдельную озабоченность в его голосе, — когда аналитический артефакт завершит работу и мы извлечем его, мы узнаем точно, что послужило причиной вашего срыва.

— Хорошо, — говорю я.

Вдруг, я вижу, как солнце за окном мгновенно меркнет. Что-то огромное застилает его, как будто гигантская тень вдруг совершенно поглощает светило.

А затем я слышу низкий утробный рык.

Я узнаю его сразу. И тут же ругаю себя за радость, которую невольно испытываю, услышав знакомый рев. Его ни с чем не спутать.

Я снова подхожу к окну и выглядываю наружу.

— Похоже, у меня посетитель, — говорю я доктору, — надеюсь, приемные часы еще не окончены, иначе он все тут разнесет.

Глава 18

Смотрю в окно, как лорд Пауэрс приземляется на лужайку возле лечебницы, окруженную высокими деревьями. Обитатели больницы, что мирно разгуливали тут еще минуту назад, спешат убраться подальше, чтобы не попасть под горячую руку дракона, или точнее, под его мощные крылья с шипами и лапы с темными, бритвенно острыми когтями.

Как бы я ни злилась на него, но в эту минуту я люблю его разноцветной чешуей, переливающейся в свете яркого летнего солнца.

Он не спешит принимать человеческую форму и явно рисуется, ощущая свою власть над перепуганными, ни в чем не повинными людьми.

— Позвольте мне поговорить с ним, — обращаюсь я к доктору, который в ужасе смотрит в окно.

— Да что он себе позволяет? Судя по чешуе это дракон из линии Пауэрсов, — говорит доктор, явно потерявший на какое-то мгновение дар речи.

Доктор подслеповато шурится, разглядывая Гаю через окно.

— Он вам знаком? — спрашивает доктор, глядя на меня совершенно по-новому.

— Да, — говорю я и ощущаю странное смешанное чувство гордости и стыда, — мы в прошлом были близки. Видимо, он как-то узнал, что я здесь, и решил навестить меня.

Доктору ни к чему знать подробности наших с Гаей отношений.

— Эти проклятые драконы с каждым годом становятся все наглее и наглее. Да он хоть представляет, какой это стресс для наших пациентов?

— Понимаю ваше негодование, доктор, — говорю я совершенно искренне. Позвольте мне поговорить с ним. Он так просто не улетит, пока не получит то, за чем пришел.

— Лилит, — рычит дракон на весь двор, так что дрожат стекла в окнах.

Доктор, наконец, спохватывается и явно берет себя в руки.

— Ладно, — говорит он, пойдете, я выведу вас.

Мы быстро идем по белоснежным коридорам, минуя множество дверей. Доктор явно не шутил, когда говорил, что все здесь реализовано на самом высшем уровне и с применением последних технологий. Это место, похоже даже не на лечебницу, а на настоящий исследовательский институт.

Наконец, мы выходим на улицу.

Яркий свет ударяет в лицо, так что мне приходится щуриться, а чешуя дракона, отбрасывающая блики, только усиливает ослепляющий эффект.

Охрана, закованная с ног до головы в непробиваемую броню, беспомощно стоит по периметру парка и в страхе наблюдает за драконом, прячась за энергетическими щитами.

Я знаю, что если бы Гай пожелал, он бы смел их всех лишь одним своим рыком, как шахматные фигуры с доски. Хорошо, что они об этом не знают, иначе, скорее всего, их бы тут уже не было.

— Гай, — кричу я, — к чему этот спектакль? Ты не понимаешь, что перепугал людей до смерти?

Доктор тут же отбегает от меня на почтительное расстояние, оставляя наедине с огромным драконом на залитой солнцем идеально выстриженной лужайке, которая уже изрядно подпорчена когтями дракона.

Дракон опускает морду к самому моему лицу, внимательно разглядывая, а потом отстраняется, чтобы не обжечь своим дыханием.

— В тебе что-то изменилось, — наконец, говорит он, усаживаясь на траву и складывая крылья.

— Может, поговорим по-человечески? — интересуюсь я, задирая голову, чтобы сохранить зрительный контакт с лордом.

— Нет, думаю в таком случае, у этих недоумков возникнет желание попытаться схватить меня, — говорит он, но голову опускает ниже, чтобы я могла без труда смотреть ему в глаза.

— Что они с тобой здесь сделали? — спрашивает он, с интересом глядя на меня, — ты, как будто...

— Что? — я недоуменно осматриваю себя, но не нахожу ничего особенного.

— Как будто стала спокойнее, — наконец, говорит он.

— По-моему, ничего не изменилось. Зачем ты здесь? — спрашиваю я его.

— Я прилетел за тобой, Лилит, — говорит он, — ты должна вернуться обратно.

— Я должна? — не верю своим ушам, услышав это, — чего еще я тебе должна?

— Возвращайся, — говорит он, — прямо сейчас, я могу взять тебя с собой, и мы полетим к Гарри, он скучает по тебе. Все будет по-старому.

Я только усмехаюсь.

— По-старому? Это ты будешь развлекаться с женщинами на стороне, пока я ничего не замечаю и верю твоим лживым словам?

Дракон раздраженно рычит и обходит меня кругом.

Я вижу, как его когти взрывают идеальный больничный газон.

— Если я сказал, что этого не будет, значит этого не будет, — говорит он, явно начиная раздражаться.

— И как же я могу верить тебе после всего?

— Слова дракона тебе недостаточно? — спрашивает он, снова приближая свою морду к моему лицу и я чувствую его жаркое дыхание.

И как бы мне ни хотелось поверить ему и со всех ног броситься ему на шею, я усилием воли запрещаю себе даже думать об этом.

— А тебе было недостаточно того, что я твоя истинная?

Я удивляюсь тому, как спокойно я говорю эти слова, гордо выпрямившись, стоя перед тем, кого всегда любила больше жизни.

— Лилит, — говорит дракон, понижая голос, — я даю тебе последний шанс.

— Мне не нужен такой шанс, Гай, — говорю я спокойно, — я не готова делить тебя с другими женщинами.

Он знает, какой его ответ устроит меня, но нарочно обходит эту тему. Он знает, что я знаю это, и злится, что не может ничего сделать.

Если бы он был готов переступить через себя, и запечатлеть наш союз вечной печатью, и умереть со мной в один день, я бы сейчас же села на его спину и улетела хоть на край земли и дальше, куда бы он ни пожелал.

— Я знаю, чего ты хочешь, — наконец, говорит он, словно читая мои мысли.

— Конечно, ты знаешь, — говорю я, медленно кивая головой.

Он раздраженно машет крыльями, поднимая сильный ветер. Охранники по периметру начинают нервничать и усиливают щиты.

Глава 19

Какая же она упрямая, черт бы ее побрал. Если она не хочет возвращаться на моих условиях, так пусть остается одна. Еще не было такого, чтобы дракон унижался перед человеческой женщиной. Тем более, дракон из рода Пауэрсов.

Лорд поднимает ветер своими массивными крыльями и видит, как маленькие людишки внизу натужно трещат своими энергетическими щитами, в надежде спастись от его гнева.

Да если бы я хотел, я бы смел их всех одним движением, как осеннюю листву.

— Значит, ты не принимаешь мои условия, — злобно рокошет дракон, глядя на маленькую фигурку Лилит в белоснежной одежде. Она гордо стоит в одиночестве, и ни один мускул у нее на лице не дрогнет.

Как же она хороша, как горда.

Но дракон не будет унижаться.

Лорд Пауэрс выпускает в небо огромную струю разрушительного пламени, едва не задев больничный корпус.

— Прекрати, — кричит Лилит. Похоже, она совершенно не боится, — или ты меня больше не увидишь никогда.

— Как ты смеешь угрожать мне? — спрашивает Гай Пауэрс, приближая морду к лицу Лилит, — я получаю все, что хочу и когда хочу. Разве ты еще не поняла?

Ее волосы развеваются на ветру, и лицо ее обдает жаром его дыхания, но она не отступает.

— Ничего не будет как раньше, Гай, ты зря прилетел сюда. У тебя нет на меня никаких прав.

— А у тебя нет никаких прав на сына, — наконец, говорит лорд, доставая из рукава последний, но самый действенный козырь.

— Я верю, что ты можешь быть злым и эгоистичным, говорит Лилит, — но я не верю, что ты настоящий подлец.

— Дракон делает то, что хочет, — усмехается Гай.

— Не все в твоей власти, Гай. Ты, наконец, должен это понять. Если ты не дашь мне видиться с сыном по-хорошему, я найду другой способ.

Гай Пауэрс только смеется, услышав это.

Он начинает размахивать крыльями и поднимается в воздух.

— У тебя есть неделя на раздумья, милая, — рокошет он, — иначе сына ты больше не увидишь.

Лорд облетает лечебницу и издает пронзительный рев.

Видит первый дракон, что я пытался договориться с ней по-хорошему. Но эта женщина не понимает добрых слов и великодушия. Что же. Посмотрим, как она поступит теперь.

Что она там сказала про то, что не верит, будто я подлец? Ох уж эти человеческие мерки добра и зла. Как и нелепы и смешны они в своих убеждениях. Именно поэтому им никогда не понять нас, драконов. Именно поэтому мы всегда будем стоять выше по праву силы и люди будут подчиняться нам, а не наоборот.

Лорд Пауэрс взмывает вверх и летит в сторону горного замка, туда, где его ждет сын, ведь он обещал ему явиться на третий день.

Надеюсь, мой отец уже преподал ему пару уроков и он не будет хныкать, как маленький человек. Теперь я убеждаюсь еще больше, что он должен стать драконом. Нужно выбить из него все эти человеческие сопли, которым наверняка напичкала его мать.

Лорд злится и от его ярости, сам воздух, кажется, расступается в стороны, лишь бы не наткнуться на разгневанного дракона.

Да как она смеет говорить со мной в таком тоне? После всего, что я сделал для нее? После всего позора, который я перенес, когда выбрал ее. Я оберегал ее, ввел в свою семью, почти запечатлел с ней брак и она смеет упрекать меня?

Лорд взлетает еще выше и пролетает сквозь облака, устремляясь еще дальше, куда не залетают даже самые отчаянные птицы.

Ну ничего, она еще пожалеет, она еще прибежит ко мне и будет на коленях умолять о прощении. И тогда, возможно, я проявлю великодушие в последний раз и приму ее обратно, но не раньше, чем она выбросит эту дурь из головы, что я должен запечатлеть наш союз вечными узами. Это немыслимо для меня, как она не может понять? Я буду обречен прожить лишь короткий человеческий век с женщиной лишенной магии и умереть вместе с ней.

Вдалеке виднеются знакомые горные вершины, подсвеченные заходящим солнцем. Замок уже близко.

Пусть сын знает, что я никогда не нарушаю свое слово

Я продолжаю стоять на лужайке и смотреть на верх, туда, куда улетел дракон. У меня в ушах все еще слышатся отзвуки его последних слов.

«Неделя на раздумья, иначе сына ты больше не увидишь»

В сердце поднимается волна отчаяния. Как же он жесток, сколько же в нем ярости и злобы.

Чувствую, как кто-то трогает меня за плечо.

— Простите, мисс Риджит, но он не вернется?

Вижу доктора, он весь дрожит от пережитого страха, но пытается не подавать вида.

— Нет, доктор, — устало говорю я, — простите за эту семейную сцену, я бы не хотела, чтобы посторонние были ее свидетелями.

— Он отнял у вас сына?

Горько вздыхаю и киваю головой.

— Сочувствую вам, — говорит он, — но как получилось, что дракон и человеческая женщина...

— Такое бывает, — терпеливо отвечаю я, хотя любопытство доктора меня уже начинает утомлять.

— Так значит, вы его истинная? — спрашивает он, — простите, но я невольно слышал, все, что было здесь сказано. Но как это возможно?

-- Я сама не знаю, доктор. Вы же наверняка видели мою метку. Я закатываю рукав и показываю ему символ, состоящий из тончайших линий, красноречиво свидетельствующий о том, что я принадлежу лорду Пауэрсу.

— Но почему он так ведет себя?

— Я не знаю, доктор, — вздыхаю я, -- Пауэрсы это не простые драконы.

Доктор задумчиво потирает подбородок.

Вы знаете, мисс Риджит, мне кажется, что это как-то связано с тем, что засек наш аналитический артефакт. Ваше восприятие магии аномально, как я говорил вам, и это неспроста. Здесь есть о чем подумать. Одно могу сказать точно, вы оказались у нас очень вовремя.

Глава 20

— Ну что, мисс Риджит, как мы сегодня? — обращается ко мне доктор тоном, будто я маленькая девочка.

— Пожалуйста, — говорю я со вздохом, — я же просила вас еще вчера, не говорить со мной как с ребенком.

Я сижу на скамейке в парке и наслаждаюсь минутой утреннего покоя, пока меня снова не потащат на бесконечные процедуры и обследования.

— Простите, мисс, — улыбается доктор, — профессиональная деформация.

Я уже, в некотором роде, привыкла к его обращению, последние пару дней мы довольно много времени проводили в местных лабораториях, где меня с ног до головы обследовали с помощью самых невообразимых аппаратов и устройств.

Один из них впечатлил меня настолько, что я видела этой ночью кошмар, связанный с этой чудовищной штукой, которая показалась мне не аналитическим медицинским прибором, как заверял меня доктор, а пыточной камерой.

Меня подвесили на эластичных тросах внутри огромной камеры с движущимися стенами. По мере того, как они ускоряли движение, сам воздух вокруг меня начинал светиться тусклым магическим светом, а сознание в эту минуту наполнялось тысячей чужеродных образов, которые я вовсе не хотела бы видеть.

Потом доктор объяснил мне, что это ментальный сканер, изобретенный в этой лечебнице, и я одна из первых пациенток, которые удостоились чести быть исследованными в этой инновационной машине.

— Ее питает энергия десяти магов восьмого уровня как минимум, — говорил доктор, завязывая ремни на моем теле, к которым крепились тросы, на которых меня должны были подвесить в центре этой невообразимой штуковины.

Она жужжала и трещала, словно в любой момент готова была развалиться. Так что мне стоило огромных усилий не закричать от ужаса, когда она разогналась до такой скорости, что уже не было видно отдельных сегментов вращающейся стены, осталась лишь смазанная картинка быстро движущихся объектов.

Под конец этой дикой процедуры я чуть не потеряла сознание от ужаса, который нагнали на меня быстро сменяющиеся в моем сознании пугающие картины.

Поэтому, едва увидев сияющую физиономию доктора, когда обследование закончилось, я в первую минуту хотела плюнуть ему в лицо, за то, что он не предупредил меня, насколько болезненным будет этот опыт.

— Надеюсь, это того стоило, — сказала я тогда, злобно глядя на него.

— Мисс, Риджит, — говорил он, вы не представляете, насколько это важно.

Сейчас я уже не злюсь на него.

В парке ласково пригревает теплый солнечный свет, слышно, как в кронах раскидистых деревьев щебечут разноцветные птицы, которых специально завезли сюда, чтобы радовать пациентов.

— Есть какие-нибудь новости? — спрашиваю я, впрочем, вообще не надеясь на то, что он хоть что-то мне скажет. Этот человек настолько усердно скрывал от меня все подробности моей диагностики, что в какой-то момент я даже начала подозревать, что они нашли у меня какую-то страшную болезнь и боятся сообщить мне в глаза, что я неизлечимо больна.

— Снимки обрабатываются, — туманно сказал доктор, потирая лысеющую макушку.

Должно быть, заметив беспокойство на моем лице, он спешит добавить:

— О, мисс Риджит, не переживайте, это не значит, что мы нашли что-то страшное, просто проявка ментальных карт требует терпения и усердной работы высших магов, время которых, как вы должно быть знаете, это крайне дефицитная вещь в нашем мире.

Я ничего не отвечаю и с закрытыми глазами ловлю солнечный свет на своем лице, пока доктор что-то тараторит, объясняя мне подробности различных процедур, которым меня подвергали, и еще только собирались подвергнуть.

Я решаю воспринимать все это стойко и ни на что не жаловаться, раз уж у меня не было другого выбора. Не буду отрицать, что слова доктора о моей аномальной невосприимчивости к магии некоторого рода, крайне меня заинтриговали.

В конце концов, я из рода Риджит, а у нас в роду нытиков замечено не было. Осталось потерпеть всего четыре дня.

И тут я нехотя вспоминаю, что через эти же четыре дня истекает срок выдвинутого Гаем Пауэрсом ультиматума. Либо я возвращаюсь на его условиях, либо я никогда больше не увижу сына.

И тут я краем сознания улавливаю слова, которые являются для меня полной неожиданностью.

— Пойдите, пойдите, — говорю я, — повторите, пожалуйста.

Доктор смущенно умолкает и повторяет только что сказанное, непонимающе глядя на меня, только сейчас, по-видимому, осознавая, что я почти не слушала его все это время.

— Сегодня нас посетит сам Лазарус Диксон, заместитель министра. Он справлялся о вашем самочувствии, спрашивал, возможно, ли будет с вами повидаться.

Я внимательно смотрю на доктора.

— Он знает, что я здесь?

— Конечно, мисс, именно благодаря его просьбе вы были приняты сюда без всякой очереди. Более того, он сам вас и привез сюда после той аварии, что случилась возле вашего дома. Вы наверное, не помните этого.

— Не помню, — говорю я задумчиво.

Так вот кто был тем человеком, что подхватил меня, когда я уже почти потеряла сознание, тогда, когда выбежала на дорогу.

Вот почему голос показался мне знакомым.

Он звучал так взволнованно, как будто человек боялся потерять самое ценное.

Память услужливо подкидывает мне несколько постыдных кадров прошедших дней, и я с облегчением вздыхаю, в очередной раз радуясь, что голова больше не болит и не затуманена каким-то странным мороком, который я даже не замечала, пока он не исчез.

Лазарус, друг моей юности. И почему я так резкоотреагировала, когда отец предложил мне встретиться с ним?

Сейчас мысль о том, чтобы повидаться со старым другом показалась мне просто замечательной.

— И когда он будет здесь? — спрашиваю я доктора.

Он смотрит в сторону больничного корпуса и подслеповато щурится.

— Кажется, он уже прибыл.

Я прослеживаю его взгляд и вижу Лазаруса, быстро идущего к нам по дорожке.

Отмечаю про себя, какая уверенная у него походка и сколько в нем скрытой мощи, которую в юности я не замечала в нем.

Он уверенно смотрит вперед, как человек, которому нечего бояться и нечего скрывать. Едва разглядев и, похоже, узнав меня, он расплывается в приветливой улыбке.

Глава 21

Лазарус подходит к доктору и, приветливо улыбаясь, жмет ему руку.

Я люблюсь тем, какой волевой у него стал подбородок и как уверенно он держится. Раньше я воспринимала его как мальчишку, который все время таскался за мной, куда бы я ни пошла. Конечно, мы дружили, но я воспринимала его, скорее, как младшего брата. Видимо, все дело в том, что девочки взрослеют куда быстрее мальчиков.

Я не встаю со скамейки, и нарочно не замечаю его, предпочитая с улыбкой наблюдать за тем, что будет делать Лазарус дальше.

Ловлю себя на том, что почему-то, хочу, как в детстве, как-нибудь его поддеть, чтобы он почувствовал себя неловко. Он всегда любил задирать нос, считая себя умудренным во всех вопросах, и я подшучивала над этой его особенностью все наше детство.

Вместо того чтобы неловко застыть на месте, чего я ожидала бы от старого нерешительного Лазаруса, он просто садится рядом со мной, даже не спросив разрешения, как будто так и надо было.

Похоже, этот парень с годами стал куда наглее.

— Доктор, — говорит Лазарус своим мягким низким голосом, который так меня удивил в нашу первую встречу после многих лет, что мы провели порознь., — разрешите, мы побеседуем с Лилит наедине. Я обещаю, что не отниму много ее времени.

— О да, разумеется, — спохватывается доктор, и вытерев лысину платочком, спешит удалиться, чтобы не мешать нашему разговору.

— Похоже, с годами ты утратил манеры, — говорю я, не глядя на него.

— А ты не утратила своей язвительности, Лил, — смеется Лазарус.

— Признавайся, — с ходу говорю я, — это ты завалил букетами отель, в котором я жила?

Он глядит на меня с улыбкой, и я вижу ямочки у него на щеках, которых раньше не было.

Боже, до чего же он стал очаровательным и вместе с тем мужественным, это никуда не годится. Я никак не могу сопоставить этого нового Лазаруса и моего старого юного друга, того неуверенного в себе мальчишку.

— Я не знал, какие цветы тебе нравятся, Лил, поэтому решил заказать сразу все, — пожимает он плечами.

И он даже не будет отпираться? Я то надеялась застать его врасплох прямым обвинением, но он даже ухом не ведет.

Я хотела заставить смутиться его, но в итоге это привело лишь к тому, что смутилась я сама.

Все теперь иначе.

И это имя, это смешное, короткое словечко «Лил», которым он называл меня в детстве. Почему-то никто, кроме него меня больше так не называл. Это вызывает в памяти сразу целый ворох солнечных воспоминаний моей безмятежной юности.

Он звал тогда меня Лил, а я звала его Лаз.

— Лил и лаз. Похоже на скороговорку, если произносить много раз подряд, — так говорила моя мама.

— Ты стал совсем другим, — говорю я, любуясь контрастом между своей больничной белой обувью и ярко зеленой сочной травой, которую явно только что подстригли.

— А ты совсем не изменилась, Лил, — говорит Лаз, — все такая же неприступная и такая же красивая.

— Ты теперь всех девушек заваливаешь ворохом дорожных цветов и не слишком свежих комплиментов? — спрашиваю я, глядя в его глаза, — может быть, стоило потратить деньги с большей пользой?

Конечно, этот нынешний Лазарус совсем не тот мальчишка. Теперь наверняка за ним бегают толпы девиц, целый заместитель министра, и судя по всему, не женат, завидная партия для любой аристократки. Да и внешне он стал невероятно притягательным молодым человеком, стоит это признать.

— Раньше за зануду был у нас я, а теперь, похоже, все поменялось местами, — поддевает он меня и, к своему удивлению, я чувствую, что краснею от стыда, как школьница. Мне казалось, что я вот-вот выведу его из равновесия, но в итоге начала ощущать, что просто бессильна сражаться с его обезоруживающей открытостью и легким отношением к самому себе.

В ответ я только бессильно вздыхаю, поняв, что общаться с ним теперь придется как-то иначе. Новый Лазарус не реагирует на мои старые подколки.

— Ты мне правда очень нравишься, Лилит, и всегда нравилась, мне не к чему это скрывать, — начинает он, — нравилась все детство и юность, нравишься теперь еще больше.

Он говорит эти слова так просто и искренне, что мне становится даже немного не по себе от откровенности этого нового молодого, сильного и красивого Лазаруса.

— Когда я узнал, что ты убежала с этим...

Я чувствую, что он сдерживается, чтобы не сказать грубое слово.

— ...Мне стоило больших усилий пережить это, лил. Ты, быть может, не замечала, но ты была огромной частью моей жизни, которая в одночасье исчезла, испарилась, была украдена у меня.

Он откидывается на спинку скамейки и продолжает задумчиво говорить, глядя в небо.

— Тогда, я бы отдал все, чтобы еще раз увидеть тебя, чтобы услышать твой голос. Но ты просто исчезла и не вспоминала обо мне. И знаешь, я смирился. Я принял это как часть своей жизни, как хороший опыт. И в итоге, ничего, кроме благодарности у меня к тебе не осталось.

— Я не знала, что так дорога тебе, Лаз, — говорю я, чувствуя, почему-то, укол совести. Хотя я не была ничего должна ему ни тогда, ни теперь, ничего ему не обещала и не принимала его ухаживаний.

Конечно, я подозревала тогда, что нравлюсь ему чуть больше, чем просто подруга, но не придавала этому особенного значения, словно это было только какой-то его детской блажью.

Но теперь я начинаю осознавать, как он, должно быть, чувствовал себя, когда я внезапно сбежала к Гаю Пауэрсу.

— Мне очень жаль, — наконец, после продолжительной минуты тишины говорю я.

— Не думаю, — серьезно говорит Лазарус, ловя мой взгляд своими яркими серыми глазами, — и я не виню тебя в этом. Все это в прошлом. Мы теперь другие люди, слишком многое переменялось.

— Да, — говорю я тихо, — слишком многое, Лаз.

— Кроме одного, — говорит он.

Я поворачиваюсь к нему, ожидая, что сейчас он вполне может сказать что-нибудь лишнее, что может полностью разрушить этот момент, или сблизить нас, как минимум прокладывая новую дорожку навстречу друг другу, взамен старых проторенных путей, которые теперь безвозвратно утрачены.

Он продолжает смотреть мне в глаза и протягивает руку, чтобы убрать листок, упавший с дерева и застрявший у меня в волосах.

Глава 22

— Отец, ты вернулся! — кричит маленький Гарри и спешит навстречу приземляющемуся на специальную площадку дракону.

Гай Пауэрс принимает человеческую форму и подхватывает сына на руки.

— Конечно, сын, я же обещал тебе.

Гай Пауэрс смотрит в искрящиеся радостью глаза сына и в груди у него появляется странное чувство, которого он почему-то не испытывал раньше с такой силой.

— Ну что, — говорит отец, — ты слушался деда и своих наставников? Надеюсь, мне не придется стыдиться за твоё поведение.

— Нет, папа, я клянусь тебе, что вел себя хорошо. Дедушка водил меня на драконью башню и показывал следы когтей первого дракона.

Гай вспоминает, как сам впервые увидел это удивительное зрелище и внутренне хвалит себя за решение отправить сына сюда.

Похоже, это было лучшим его решением за много лет, и, судя по всему, старому лорду мальчик пришелся по душе. Лучшего и ожидать было нельзя.

Гай, с восторженно улыбающимся сыном на руках, входит в высокий зал, и опустив сына на роскошный блестящий мозаичный пол, приветствует своего пожилого отца, спускающегося по широкой дворцовой лестнице.

— Я увидел, как ты прибываешь, сын, — с улыбкой сказал старый лорд, — рад, что ты здесь. Мне нужно срочно переговорить с тобой.

Гай пытливо смотрит на маленького сына, но тот только качает головой.

— Я хорошо вел себя, правда, — шепотом говорит мальчик.

— Все верно, — говорит старый лорд, — маленький будущий дракон был удивительно терпелив и не позволял себе хныкать и проситься к мамочке. Говорить я буду с тобой о совсем другом.

Гарри смотрит, как старый лорд уводит отца в комнату для аудиенций.

Стоит ему обрадоваться, что отец, наконец, прилетел проведать его, как отец сразу же исчезает.

Он не решился спросить о матери, и не решался заговаривать о ней все это время. Даже в свои малые годы, маленький Гарри хорошо понимал, что вспоминать о матери в этих стенах лучше не стоит.

Он прошел по залу, любясь отражением сверкающих светильников в полированном камне на полу. Напольная мозаика была столь искусной и разнообразной, что можно было провести целый день, разглядывая ее, постепенно проникая в смысл сложных узоров и отслеживая их причудливую взаимосвязь. Именно этим он и занимался, по поручению своего учителя.

Гарри сказал правду, но он не сказал отцу, что в замке было дьявольски скучно. Старый лорд уделял ему совсем немного времени, а слуги, к которым мальчик первое время приставал с разговорами, очень быстро дали ему понять, что к разговорам не расположены.

Единственным человеком, который всегда был готов к компании Гарри, был его учитель созерцания. Тот самый человек, который должен был показать ему первый шаг на пути становления драконом.

Но этот первый шаг все никак не происходил.

— Когда же мы сделаем шаг? — спрашивает Гарри, подходя к человеку с длинными темными волосами. Его длинные тонкие руки с пальцами похожими на причудливых пауков, спокойно лежат на коленях, а сам он сидит на полу, поджав под себя ноги.

— Скоро, маленький дракон, — говорит учитель созерцания, — ты еще не готов.

— Я это уже слышал, — с досадой говорит мальчик.

— А я уже слышал твой капризный разочарованный вздох, юный дракон, — говорит с улыбкой учитель созерцания.

— Ты подсчитал количество узоров?

— Я все время сбиваюсь со счета, учитель, — говорит мальчик, и усаживается рядом с учителем, подражая его позе, складывая руки так же, как он.

— Чего же ты хочешь от меня? Делай, что велено. Совсем скоро тебе будет не до детских игр, так что я бы на твоём месте наслаждался свободой и получал удовольствие от занятия, которое я тебе поручил.

Гарри молчит, угрюмо смотря в пол.

— Я не понимаю, для чего это нужно, — наконец, говорит он.

— Естественно, ты не понимаешь, — говорит учитель, — тебе всего пять лет, ты и не должен ничего понимать. Твоя главная задача — слушаться и выполнять, что тебе велят.

Гарри с тоской смотрит на хитросплетение узоров на полу и начинает видеть в них лицо своей матери.

Наконец, он обещает себе, что спросит отца о ней.

— Ведь я дракон? — спрашивает мальчик, наконец нарушая молчание.

— Ты будущий дракон, — отвечает учитель.

— Дед сказал, что дракон делает, что хочет.

— Твоему деду виднее, что делает дракон.

— Почему я не могу делать то, что хочу? Я хочу к маме.

— Похоже, — задумчиво говорит учитель, — ты вообще никакой не дракон.

— А кто же? — с любопытством спрашивает мальчик.

— Ты маленькая сопливая девочка, вот кто ты, — строго говорит учитель.

Слезы подступают к глазам и их начинает дьявольски щипать. Гарри изо всех сил старается не плакать, но ничего не выходит, и они сами льются, падая на отполированный пол.

Спустя минуту учитель говорит.

— Вытри глаза, мальчик, — отцу и деду не понравится, если они это увидят.

Мальчик вытирает глаза рукавом.

— Это нечестно, — говорит он.

— Мир вообще несправедлив, Гарри, -- говорит учитель, — и это благо для тебя, потому что ты будущий дракон, а это само по себе большая несправедливость по отношению ко всем остальным, поскольку драконы владеют всем в этом мире.

— Я уже не хочу быть драконом, — говорит Гарри.

И тут он видит, как двери комнаты для аудиенций распахиваются и оттуда торопливой походкой выходит отец.

Он останавливается и что-то быстро говорит деду, а затем ускоряя шаг, направляется к выходу на улицу.

Гарри вскакивает на ноги и бежит через весь зал, стараясь не поскользнуться на скользком полу, и когда мальчик добегают до выхода, он видит только устремляющийся в небо силуэт дракона, все быстрее и быстрее набирающий высоту.

— Папа! — кричит мальчик на бегу, пытаясь перекричать поднявшийся ветер, — но все бесполезно, отец не слышит его, он уже высоко в небе.

Глава 23

Он не нарушает тишину, но по его глазам я вижу, что он хочет сказать что-то, но либо не решается, либо что-то останавливает его.

Этот взгляд длится еще мгновение, а потом он отводит глаза.

— Он дал мне одну неделю, — говорю я, — сказал, что если я не вернусь к нему, он не позволит мне видеться с сыном.

Не знаю, зачем я откровенничаю с Лазарусом, но в эту минуту мне кажется, это совершенно естественным. Я почему-то чувствую, что этому новому Лазарусу я могу довериться даже больше, чем тому мальчику, которого я знала.

Очень странное чувство вдруг посещает меня, словно эта встреча освобождает меня в каком-то смысле, позволяя мне немного расслабиться и выдохнуть. Довериться хоть кому-то сейчас — это огромное благо и словно бы лекарство.

— Наглый дракон слишком много на себя берет, — говорит Лазарус изменившимся тоном. Теперь в его голосе нет и намека на ту горечь и боль, которая звучала в нем минуту назад, лишь сосредоточенное упорство и нотки злости.

— Так было всегда, — говорю я.

— Драконы думают, что им подвластно все, что дракон может нарушать закон как угодно и не понесет никакого наказания. Но я тебя уверяю, Лилит, скоро этому придет конец. И, боюсь, для Гая Пауэрса это может стать большой неожиданностью.

— Как можно заставить дракона делать то, чего он делать не желает? — спрашиваю я, — они стоят над законом, у них слишком много влияния и силы.

— Твой отец попросил меня за тебя, — говорит Лазарус сдержанно и деловито, — и поверь мне, процесс уже запущен. Даже если ты решишь вернуться к нему после всего этого, ему придется заплатить за причиненный ущерб, как тот, что он причинил твоему отцу, так и этому заведению. Он перешел все возможные границы.

— Я не собираюсь возвращаться, — оскорбленно говорю я и ощущаю, что в моем тоне чуть больше чувств, чем я хотела показать Лазу.

Лазарус только смотрит на меня, не говоря ничего, словно бы оценивая мою решимость.

— Даже если сына не удастся вернуть? — испытующе спрашивает он.

— Не удастся? — спрашиваю я, и сердце мое падает от одной мысли об этом.

Лазарус вздыхает.

— Я сделаю все, что могу. Закон встанет на твою сторону, но в данном случае силу применить не получится. Он скорее всего попросту сможет откупиться.

Я закрываю лицо руками и чувствую, как на глаза наворачиваются слезы.

Он мягко касается моего плеча.

— Лил, — говорит он, и я чувствую невероятное тепло в его голосе, — твой отец рассказал мне все. Я знаю, что ты любишь этого дракона. Это разбило мне сердце тогда, и разбивает сейчас. Но поверь мне, я сделаю для тебя все, что смогу. Ты можешь положиться на меня.

— Я так скучаю по Гарри, — говорю я и чувствую, как Лаз мягко обнимает меня за плечи. От этого меня словно бы прорывает.

— Он не такой жесткий, как его отец, он умный, мягкий и вдумчивый мальчик, в его характере уже сейчас чувствуется такое добро, которого хватит и на меня, и на Гая, вместе взятых. Я боюсь, что они сломают его. Ему всего шесть лет, Лаз.

— Я понимаю, — говорит Лаз и осторожно гладит меня по голове, — мы найдем выход. Я горько качаю головой и отстраняюсь.

— Нет, Лаз, я боюсь, что никогда больше не увижу сына.

Вытираю глаза руками.

— Прости за эти слезы, — говорю я, — тебе уж точно все это не нужно видеть.

— За что ты извиняешься? — недоуменно спрашивает он.

— За то, что я не могу дать тебе шанс, Лаз, — заворачиваю рукав и показываю ему драконью метку истинности.

— Видишь вот это?

Он молча смотрит на метку, не отрывая глаз.

— Я его истинная, понимаешь? Я буду любить его всегда. Тут нет никаких вариантов. Сколько бы цветов ты мне ни прислал, каким бы хорошим ты ни был, какой бы любовью ты меня ни окружил, я все равно не смогу полюбить тебя, Лаз. Прости.

Я встаю со скамейки и собираюсь уйти. Но Лаз встает вместе со мной и не выпускает мою руку.

— Постой, Лилит, — говорит он, — я ведь ничего не прошу от тебя. Позволь мне просто быть рядом.

Я смотрю в его чистые честные глаза и в эту минуту чувствую невероятную благодарность за эти слова, даже если сказаны они лишь ради того, чтобы успокоить меня здесь и сейчас.

— Спасибо, Лаз, — говорю я и сжимаю в ответ его руку, — спасибо за все.

Я хочу уйти, чтобы он больше не видел моих слез. Делаю несколько шагов, но потом все же поворачиваюсь.

— Через два дня операция, — говорю я, — мне будет тяжело после нее быть одной. Если хочешь, можешь провести меня.

Я, не дожидаясь ответа, ухожу прочь, пряча свои слезы от его глаз, смотрящих на меня с нежностью.

Дорогие читатели!

С огромным удовольствием читаю вашу обратную связь на книгу. Всегда очень интересно узнать, что вы думаете, спасибо вам, что охотно делитесь своими впечатлениями и мнениями в комментариях и нажимаете "мне нравится", все это очень ценно для меня, как автора.

Обязательно подпишитесь на мой профиль, если не хотите пропустить выход новых книг, изменения в расписании выхода прод, розыгрыш промокодов и другую важную информацию.

Глава 24

— Я разочарован, сын, — грубо говорит старый лорд Пауэрс, оглаживая длинную седую бороду, — ты ведешь себя как распутный мальчишка.

Гай Пауэрс смотрит на отца, и внутри него начинается вскипать возмущение и злоба.

— Я не понимаю о чем ты, отец, — говорит Гай и усаживается в кресло.

— Я не разрешал тебе садиться, щенок! — рычит старый лорд, и молнией достигнув кресла, где сидит его сын, грубо хватает его за куртку, как нашкодившего котенка.

Гай Пауэрс перехватывает руку отца и злобно смотрит ему в глаза. В глубине его глаз разгорается яростный синий огонь, не предвещающий ничего хорошего.

Старый лорд пытается силой вытащить сына из кресла, но тот не шелохнется, и только сильнее сжимает руку старика.

— Ты, кажется, забыл, отец, что я уже не мальчик, — говорит лорд, сдерживая порыв яростной злобы, которая настолько сильно, что может на месте испепелить старика.

Старый лорд принимает промежуточную форму и покрывается жесткой драконьей чешуей. Гай в ответ делает то же самое, и силы снова не равны. Сын куда сильнее старого дракона и готов давать отпор до последнего.

— Давай дальше, отец, — рычит со злобной улыбкой Гай, — разнесем чертов замок, чтобы камня на камне не осталось.

Гай чувствует, что нужно дать старику видимость, что старый лорд все еще силен, как прежде, чтобы не разругаться с ним окончательно, но и унижаться он больше не желает.

— Дракон делает то, что хочет, разве не ты учил меня этому? — спрашивает Гай, пытаясь утихомирить отца, — давай лучше поговорим. Ты силен, но и я уже не мальчик.

Яростное пламя плещется в глазах старого лорда.

Наконец, он отпускает сына и делает вид, сдался нарочно, что, рассудив, что это будет лучше, чем быть униженным в поединке с гораздо более молодым сыном.

— Кристанна Линч, — рычит старый лорд, постепенно успокаиваясь и вновь принимая человеческую форму, — на кой черт ты связался с этой истеричкой? Тебе мало интрижек с человеческими женщинами? Ты хоть понимаешь, какие обязательства на тебя может наложить совет драконов? Она шастает по всем великим домам и разносит очень неприятные истории. Наша репутация страдает.

— Дракон делает что хочет, — повторяет Гай невозмутимо.

— Ты знаешь, что чертов Риджит копает под тебя? — рычит старый дракон.

— К черту Риджита, этот старый болван ничего не смог сделать, когда я выкрал его дочь, и ничего не сможет сделать теперь, — невозмутимо говорит Гай Пауэрс.

Старый лорд качает головой.

— Ты ошибаешься, сын. Министерство юстиции жужжит, как разворошенный улей. Ты наступил на чью-то очень болезненную мозоль. И это может привести к непредсказуемым последствиям.

Гай Пауэрс терпеливо выдерживает паузу, слушая разъяренное дыхание отца.

— С каких пор драконы бояться чертовых людишек, отец? — говорит он вкрадчиво, — быть может, мне стоит пойти и поклониться в ноги этому старому дураку и извиниться перед его дочерью за невинную интрижку с Кристанной Линч, которая уже в прошлом?

— Кристанна Линч не какая-то служанка или наследница обедневшего человеческого рода, — взрывается старый лорд, — ее семья — вторая по могуществу на острове после нас. И это они так думают. Если бы они знали, как идут наши дела в последние годы, я бы не разговаривал с тобой сейчас, ты бы уже шел под венец с этой истеричной молодой особой.

— У меня уже есть жена и она моя истинная, — невозмутимо говорит Гай, не обращая внимания на пустую истерику отца.

— Ты не запечатлел с ней брак, — шипит отец, приближаясь к сыну. Поэтому она не жена тебе. А насчет ее истинности я тоже сильно сомневаюсь.

— Что тогда это такое? — спрашивает Гай и демонстрирует своему отцу метку.

— С ней что-то не так, сын, — говорит отец, бессильно усаживаясь в кресло. Я говорил с вашим сыном и изучил его тягу к драконьей магии. Если бы я не знал наверняка, что он полукровка, да еще и рожден от женщины вообще без какого-либо магического дара, то никогда бы не поверил.

— Что ты имеешь ввиду? — настороженно спрашивает Гай.

— Мальчик может стать сильнейшим из драконов. Куда сильнее тебя или меня.

— Этого не может быть, — качает головой Гай.

— Тебе ли говорить о том, чего может быть, а чего быть не может? Тогда тебе стоит объяснить мне, как истинный может изменять своей истинной? — спрашивает старый лорд.

— Бывали случаи, — задумчиво говорит Гай, — она все-таки человек.

Старый лорд хмурится и поправляет одежду.

— Ты знаешь, что твоя девчонка попала в больницу? — говорит он, наливая себе виски.

— Ты следил за ней? — с подозрением спрашивает Гай.

— Неужели ты думаешь, я оставлю все как есть? Разумеется, за ней следят так пристально, как только возможно, — говорит старый лорд, — и сдается мне, они нашли что-то интересное.

— Что именно — спрашивает Гай, подаваясь вперед и весь превращаясь в слух.

— Точно будет известно, когда они закончат диагностику. Мои люди сразу же сообщат мне об этом.

Гай чувствует, что недооценил своего отца. Он ощущает некое подобие стыда перед стариком. Самонадеянность — это черта, которую он презирал в других. А теперь выходило, что он сам стал ее жертвой.

— Информация, сын — это самое ценное оружие. Дракон может делать то, что хочет, только если владеет всей информацией и знает, как ее использовать. Мне стыдно, что ты до сих пор не усвоил этот урок.

Гая злит тон отца, который явно празднует в эту минуту свое превосходство. Но сказать молодому лорду нечего. Больше всего в эту минуту его сжигает ярость в отношении Кристанны. Как она посмела разболтать о том, что между ними было?

— Я верну Лилит, — с уверенностью говорит Гай, вставая на ноги и собираясь покинуть отца.

— Постой, сын, — окликает его отец, — куда ты собрался?

— Мне нужно срочно повидать эту маленькую избалованную дрянь, Кристанну, — бросает он отцу и яростно распахивает массивные двери.

Глава 25

— Сейчас мастер Странгхолд усыпит вас, не переживайте, вы ничего не почувствуете, мисс Риджит. Во время операции мы изыдем из вас артефакт и вы сможете вернуться к своей обычной жизни.

Я тяжело вздыхаю, чувствуя необычное волнение. «обычная жизнь», никто не спросил меня, хочу ли я возвращаться к ней.

Эта неделя в больнице была для меня поистине целебной. Я давно уже не чувствовала себя настолько живой и отдохнувшей.

Я смирилась с тем, что мне нужно провести это время здесь и поэтому старалась отодвинуть все тяжелые мысли и тревоги на второй план, сосредоточившись на том, о чем просил меня доктор. Отдыхать и дать им возможность исследовать меня так хорошо, как это вообще возможно.

Лазарус сказал, что будет ждать меня в палате после операции вместе с отцом. Я удивилась, что отец решил посетить больницу, несмотря на то, что раньше он даже не пытался этого сделать.

Я смотрю на пожилого мага в расшитой синими узорами белоснежной мантии. К чему эти церемонии, мне совершенно неясно. Если бы маги одевались в обычную одежду, мне кажется, им бы работалось куда легче. А так на его лбу явно виднеется испарина, он страшно потеет в своем помпезном одеянии высшего мага, но не подает вида. Конечно, ведь это традиция.

Я лежу на больничной койке и чувствую, как старческие пальцы обхватывают мою голову.

— Считайте, пожалуйста, до десяти, мисс Риджит, — хриплым голосом говорит старик.

— Десять, девять, восемь, — послушно отсчитываю я и вдруг слышу голос доктора:

— Проснитесь, мисс Риджит, операция закончена. Я оглядываюсь и с удивлением отмечаю, что уже нахожусь в своей палате.

Рядом стоит доктор и Лазарус.

— уже все? — спрашиваю я, чувствуя, как тяжело ворочается язык.

— Да, — с улыбкой говорит доктор, глядя мне в глаза, — все прошло замечательно. Здесь ваш друг Лазарус.

— Что с вами?, — спрашивает вдруг доктор, участливо глядя на меня, — вы чувствуете какое-то недомогание?

— Голова, — говорю я, — она снова болит, как раньше. Боль вернулась.

— Мы попросим мастера сСтрангхолда снять боль, мисс Риджит, не волнуйтесь.

Я представляю себе, сколько стоят услуги этого высшего мага и мне становится не по себе. Мой отец, конечно, совсем не беден, но тратить время высшего мага, чтоб снять мигрень — это уже верх расточительства.

— Не нужно, — говорю я, морщась, — не стоит из-за такой ерунды беспокоить уважаемого мастера.

— Не волнуйся, Лилит, — мягко говорит Лазарус и сжимает мою руку.

— Лаз, все нормально, я потерплю. — говорю я, стараясь сфокусировать взгляд на его лице.

— Лил, — говорит он, — просто ни о чем не думай.

Наконец, в палату входит знакомый старик. Я вижу, что он сильно изможден прошедшей операцией. По его лицу обильно струится пот. Он тяжело дышит и мне становится его жалко.

Он снова кладет руки мне на голову, на этот раз я чувствую, что его пальцы влажны от пота.

Так проходит минуты, две, три, но ничего не происходит. Боль не исчезает.

— Ну как? — спрашивает Лазарус, совершенно уверенный, что наложение рук Странгхолда помогло.

— Ммастер Странгхолд, говорю я, глядя на залитое потом лицо высшего мага, — не тратьте время, это не сработает.

— Я не могу ничего сделать, — бессильно говорит маг и я чувствую в его голосе подлинное изумление, -- мне как будто что-то мешает.

— Вы не виноваты, мастер, — говорю я, пытаюсь успокоить мага, — вы не первый, кто не может с этим ничего поделать.

Доктор задумчиво смотрит на меня.

— Подождите, говорит он. — я сейчас.

Спустя минуту он возвращается с большим бронированным ящиком в руках.

Он торопливо открывает ящик и подносит к моему лицу колбу с каким-то крошечным металлическим предметом внутри, похожим на пару сложенных вместе монет. Предмет светится и издает едва заметное жужжание.

— Это то, что мы из вас извлекли только что, мисс Риджит, — аналитический артефакт. В это же мгновение я чувствую, как боль ослабевает минимум в половину.

— Можно? — спрашиваю я и беру колбу в руку.

Боль отступает еще дальше.

— Я почти не ощущаю боли, когда держу его в руках, — говорю я доктору и с изумлением смотрю ему в глаза, — что же это такое?

Доктор лишь пожимает плечами и изумленно качает головой.

— Похоже, это какое-то побочное действие артефакта. Это очень интересно, мисс Риджит, и это может стать серьезным материалом для исследования. Артефакт экспериментальный и мы еще не знаем всех его свойств, он в некотором роде еще не изучен до конца.

Я с разочарованием смотрю, как доктор забирает у меня из руки колбу и бережно кладёт ее в бронированный кейс с магическим кодовым замком.

Чувствую, как нарастает боль в голове.

-- Можно ли оставить его ей, — спрашивает Лазарус доктора.

— Простите, но его срочно нужно отправить на расшифровку, пока он не разрядился, — говорит доктор, — как только с ним поработают аналитики, я смогу принести его обратно ненадолго, чтобы облегчить симптомы мисс Риджит.

Лазарус сжимает зубы, он явно не привык, что ему отказывают.

— Сделайте это как можно быстрее, пожалуйста, — наконец говорит он, — вы можете рассчитывать на мое содействие в любых вопросах. Я не хочу, чтобы она страдала.

— Я очень постараюсь, — говорит доктор и спешит поскорее оставить мою палату, увлекая за собой совершенно обессиленного мага, — завтра утром результаты исследования будут у меня на руках, и я тот час же навещу вас.

Он кивает Лазарусу и оставляет нас в палате одних.

— Я рада, что ты здесь, — говорю я.

Он садится рядом с моей кроватью, не говоря ни слова.

— Побудь, пожалуйста, со мной, если можешь, — говорю я и закрываю глаза.

— Конечно, Лилит, — тихо говорит Лазарус, — я здесь.

С утра я просыпаюсь все с такой же больной головой, но в теле уже нет той слабости, что была вчера.

Я вспоминаю, что ночью просыпалась несколько раз и всегда рядом со мной сидел Лазарус. Он что-то писал, негромко щелкая клавишами в компьютере, я смотрела на него и снова засыпала.

Я встаю и, ступая босыми ногами по холодному полу, подхожу к окну. Сегодня я покину это место, и сегодня тот самый день, когда я должна буду дать ответ Гаю.

Как можно требовать от человека принять такое решение? Чувствую, как сознание начинает мутиться и мягкий утренний свет за окном начинает раздражать меня.

Нет, только не снова.

Скорее бы пришел доктор. Я сижу в полной тишине, прислушиваясь к каждому шороху.

Почему Лазарус не отходил от меня? Неужели у него нет других дел? Я же прямо сказала ему, что не могу быть с ним. Это несправедливо по отношению к нему. Такой хороший, внимательный и заботливый человек, вынужден довольствоваться дружбой с женщиной, которую любит.

Ведь любит же он меня? Почти наверняка. Тот взгляд, с которым он смотрел на меня. Нет, на друзей так не смотрят. Мотаю головой, пытаюсь развеять заливающий разум морок.

Теперь я знаю, каково это, когда ты находишься в здравом уме и надеюсь, что смогу контролировать себя лучше.

Вдруг слышу какой-то шум за дверью. Несколько голосов что-то громко обсуждают и приближаться.

Двери распахиваются и в мою палату входит сразу целая толпа докторов. Они так взволнованы, что кажется, некоторых из них сейчас начнет трясти.

— Мисс Риджит, говорит мой лечащий врач, — как вы себя чувствуете.

— А в чем дело? — раздраженно и ошарашенно говорю я, пытаюсь поймать взгляд моего доктора, окруженного целой толпой других докторов в халатах.

— Пришли результаты исследования, мисс Риджит, — только не волнуйтесь.

Вместо того чтобы перестать волноваться, я чувствую, как сердце подскакивает к горлу.

— Что происходит? — снова спрашиваю я.

Глава 26

Гай Пауэрс подлетает к дому Кристанный и зависает в воздухе над ее балконом, мощно взмахивая крыльями и поднимая сильнейший ветер.

Все, что ему сейчас хочется, это выпустить мощную струю пламени, и сжечь все, что попадется на его пути. Но он сдерживается.

Кристанна выходит на балкон в одном нижнем белье, как будто ждала его, Гай Пауэрс смотрит на ее идеальную фигуру и пытается сосредоточиться на том, зачем он прилетел сюда изначально, вместо того, чтобы любоваться заманчивыми изгибами ее тела.

— Наконец-то ты явился, милый, — говорит Кристанна с хищной улыбкой, — залетай скорее.

Но Гай не слушает ее. Он взмывает вверх и нарочно проходится шипастым хвостом по черепице замка, так что она, отваливаясь, начинает падать вниз с громким треском.

Вдруг рядом с ним вырастает силуэт драконницы.

— Что ты творишь? — спрашивает она, и Гай чувствует, как в ней начинает закипать ярость.

— Пока ничего, милая, — последнее слово он рокошет с насмешливой издевкой, — но если ты и дальше будешь вести себя так, словно я что-то должен тебе, я разрушу все, что тебе дорого, и начну с этого уютного дворца, который тебе подарил папаша.

Она вдруг набирает высоту и, сделав резкий рывок, камнем падает туда, где находится Гай. Он уворачивается, и она врезается в крышу, злобно рыча и плюясь огнем.

— Ты должен вернуться ко мне. — в ярости кричит она.

Гай смотрит, как она отряхивается и цепляется когтями за крышу.

— Я ничего тебе не должен. — говорит он, — все, что ты себе напридумывала — это только твое личное дело, не впутывай меня в свои фантазии. Мы позабавились какое-то время, и я решил, что на этом хватит.

— Почему? — ревет она, — это все из за нее? Но ведь она ушла от тебя и больше не вернется.

— Отношения с моей истинной, это не твое дело, — рокошет Гай Пауэрс, — если ты продолжишь вести себя как истеричная дура, я совсем забуду о нашем прошлом и тебе не поздоровится. Оставь в покое меня и мою семью.

Гай подлетает к Кристанне поближе и хватает ее когтями.

— Ты поняла меня, девчонка? — спрашивает он яростно, и чувствует, как бьется ее сердце.

— Я поняла, — говорит Кристанна.

Гай отпускает ее и облетает вокруг здания. Он видит, как обслуга внизу начинает суетиться и тушить подпаленные деревья вокруг, пока пламя не перекинулось на дом.

— Я не сдамся, — кричит Кристанна, — мы все равно будем вместе.

— Я тебя предупредил. — говорит Пауэрс и резко развернувшись, набирает высоту и улетает прочь.

Кристанна сползает вниз по крыше и слабо взмахнув крыльями, больно ударившись падает на землю. Обслуга слышит ее страшный отчаянный вопль и стремительно убегает подальше, подобру-поздорову, пока не попала под горячую руку.

Она перевоплощается в человеческую форму и прихрамывая идет к дому. Никто не осмеливается подойти к ней. Сейчас тревожить разъяренную драконницу — это значит почти наверняка подписать себе смертный приговор.

— Чертов ублюдок, — кричит она, глядя в улетающий силуэт Гая Пауэрса.

Она заходит в дом и поднимается по лестнице, чувствуя, как яростно в ней кипит злоба.

Она надеялась, что он вернулся к ней, одумался, понял, кого потерял, но он прилетел лишь для того, чтобы унижить и отчитать ее, как свою служанку.

— Ненавижу, — шипит Кристанна, — ненавижу эту чертову Лилит. Все из-за нее.

Она берет телефон и дрожащими от злобы пальцами вызывает свою подругу.

— Помнишь, ты предлагала способ разделаться с этой бездарной?

— Да, слышится в трубке взволнованный голос подруги. Она, кажется, в предвкушении.

— Так давай сделаем это.

— Ты опасная женщина, Крис, — с восторгом говорит подруга, усмехаясь в трубку.

— Я должна вернуть его любой ценой, и все нужно сделать так, чтобы он не догадался, кто это сделал, — говорит Кристанна и разрывает связь.

— Лилит, — слышу окрик Гая. Этим утром он одет во все черное, на шее тонкая платиновая цепь с родовой печатью.. Сегодня он решил поиграть в человека и не являться в драконьей форме. Он стоит возле большого бронированного автомобиля, от которого явственно исходит защитное свечение и ждет меня.

— Рад, что доктора, наконец, выпустили тебя., — говорит Гай, приближаясь ко мне.

И откуда он узнает обо всем? Я ведь никому не сообщала, что сегодня меня выписывают.

— Ты помнишь, о чем мы договорились? Сегодня последний день и ты должна вернуться, или...

Он делает театральную паузу и идет мне навстречу, не обращая внимания на Лазаруса, который сопровождает меня и на двух адептов из академии, которые по просьбе доктора теперь неотступно следуют за мной.

На мне солнцезащитные очки, так что все цвета я вижу приглушенно, но золотой блеск внутри его глаз я вижу отчетливо. Похоже, он совершенно уверен в том, какой я сделаю выбор.

Я на мгновение останавливаюсь, ощущая, как меня физически тянет к нему. Мне хочется крикнуть, что я согласна на все и вечно буду с ним. Но так бы поступила та, другая Лилит. Я игнорирую метку, которая зудит на моей руке, и отворачиваюсь от своего истинного.

— Уходи, Гай, — говорю я спокойно, — оставь свои ультиматумы для своих любовниц.

Гай приближается ко мне еще ближе и втягивает носом воздух, его самодовольная улыбка сменяется странным выражением лица.

— Пойдем, Лилит, — тихо говорит Лазарус и мягко увлекает меня за собой.

— Что происходит? — спрашивает озадаченный лорд Пауэрс. Ты как будто...

— Я не вернусь к тебе, Гай, неужели ты еще не понял? — тихо перебиваю я, — ты причинил мне слишком сильную боль.

— В тебе что-то изменилось, — озадаченно говорит он и пытается схватить меня за руку.

Он уже чувствует. Ну конечно, он не может не почувствовать это.

— Что не так, любимый? — спрашиваю я, уворачиваясь от его руки.

Лазарус открывает мне дверь своей машины и я пытаюсь залезть внутрь. Но Гай резко захлопывает дверь, оттесняя Лаза в сторону, и хватает меня за руку.

— Я чувствую в тебе то, чего не было раньше.

— Что же ты чувствуешь? — спрашиваю я с торжествующей улыбкой, которую уже не хочу сдерживать.

— Сними очки, Лилит, — настойчиво говорит Гай и я слышу в его голосе смесь страха и чего-то еще.

Что же, рано или поздно он все равно узнает то, что выяснили доктора, скоро все об этом узнают.

Я зажимаюсь, чтобы солнце не ослепило меня и снимаю очки.

— Ну что же, Гай, смотри, — говорю я.
А потом открываю глаза.

Глава 27

Гай сразу же отшатывается в недоумении.

Я понимаю его замешательство, то же самое испытала я сама, когда доктор, наконец, открыл мне правду. Сперва я не поверила, но сложно не верить, когда ты видишь нечто совершенно невероятное своими глазами.

Вспоминаю то, что открылось мне вчера в больнице.

— Прежде чем я сообщу вам результаты, вы должны пройти со мной, — говорит доктор и я слышу в его голосе волнение, которое он еле-еле сдерживает.

Я встаю и, как в тумане, следую за ним, пытаюсь не обращать внимания на боль в голове.

За нами толпой идут врачи что-то громко обсуждая. Фрай Диммельс ведет меня, мягко держа за предплечье, куда-то по бесконечным коридорам.

Наконец, мы приходим к огромной лаборатории, в которой мне еще не доводилось бывать, хотя мне до этого момента казалось, что я прошла вообще все возможные обследования в этом здании. Доктор Диммельс открывает массивные глухие двери, которые больше похожи на двери в банковском хранилище и заводит меня внутрь, оставляя всех остальных докторов снаружи.

— Сядьте, пожалуйста, в это кресло, мисс Риджит, — говорит доктор.

Он указывает на большое кресло, отдаленно похожее на стомат

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.